А. А. КОСТИН

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. П. ХВОСТОВОЙ

Написание биографии русской писательницы XVIII в. представляет значительно большую сложность, чем в случае с писателем-мужчиной. Чаще всего женщины в это время не служили, не обучались в государственных учебных заведениях, да и вообще значительно реже, чем мужчины, входили в соприкосновение с властным аппаратом; и, как следствие, от них не осталось ни послужных списков и сказок, ни аттестатов, ни рекомендательных писем и деловой переписки — всего того обширнейшего комплекса источников, на которых строит канву биографии исследователь жизни и творчества писателя-мужчины. Просмотр статей о писательницах XVIII в. в биографических словарях, с точки зрения привлеченных источников, показывает, что за редким исключением для подавляющего их числа мы имеем либо лишь скупые сведения библиографического характера, либо биография строится на мемуарных источниках — как на составленных самими писательницами воспоминаниях, дневниках и произведениях с автобиографической основой (А. Е. Лабзина, В. Бакунина, А. С. Жукова), так и (преимущественно) на воспоминаниях современников-мужчин. Вместе с тем, как показывает опыт изучения биографии А. П. Хвостовой, исследователю не стоит ограничиваться только этими введенными по большей части в научный оборот еще в XIX в. источниками, поскольку планомерное обследование архивных материалов вполне способно значительно расширить наши сведения о жизни писательницы — в первую очередь за счет привлечения такого источника, как частная переписка, ведение которой никак не зависело от пола корреспондента.

Самая полная на данный момент биография Александры Петровны Хвостовой написана В. В. Сиповским для «Русского биографического словаря».[1] Им были использованы в первую очередь много-

[1] *Сиповский В. В.* Хвостова Александра Петровна // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. Фабер—Цявловский. С. 293—294.

© А. А. Костин, 2011

численные свидетельства о Хвостовой в «Записках» Ф. Ф. Вигеля;[2] материалы таких исследователей женской литературы, как М. Н. Макаров и Н. Н. Голицын, а также отдельные упоминания в воспоминаниях Д. П. Рунича, А. П. Вяземского и М. А. Максимовича. Только несколько лет спустя П. И. Бартеневым в «Русском архиве» были опубликованы мемуарные записки Хвостовой «Мои бредни», написанные в 1834—1840 гг.[3] Б. Л. Модзалевский при описании альбома Ю. Н. Бартенева опубликовал полностью записанный в нем фрагмент Хвостовой «Ты требуешь, друг мой, психологии души моей...»[4] Помимо этих основных печатных источников множество упоминаний о Хвостовой содержится в воспоминаниях, публиковавшихся в различных русских журналах второй половины XIX—начала XX в., прекрасный свод указаний на которые содержит картотека Б. Л. Модзалевского, хранящаяся в Пушкинском Доме.

Однако не менее ценным источником биографических сведений служат рукописные материалы Хвостовой, сохранившиеся в различных российских архивах. Е. П. Гречаной были описаны и частично опубликованы такие важные источники, как написанная Хвостовой в 1809 г. французская повесть «Петронилла» (Petronille) из рукописного альбома А. С. Строганова;[5] ее альбом «Мои последние чувствования» («Mes derniers sensées»), который она вела, по-видимому, в Киеве в 1809 г., а также ее письма к баронессе Ю. Крюденер и сочинение «Особое воспитание» («Education particuliére»), адресованное дочери последней, где Хвостова описывает свои религиозно-мистические искания 1800—1810-х гг.[6] Между тем частная и деловая переписка Хвостовой до сих пор по преимуществу остается не введенной в научный оборот. Незаменимым источником по биографии Хвостовой являются ее письма 1819—1847 гг. к Ю. Н. Бартеневу, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.[7] Роль Хвостовой в жизни мистических кружков Петербурга конца 1810-х гг. раскрывается в ее письмах 1819—1825 гг. к А. Ф. Лабзину.[8] Отдельные

---

[2] *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892.

[3] *Хвостова А. П.* Мои бредни // Русский архив. 1907. Т. 1. Кн. 1. С. 5—48.

[4] *Модзалевский Б. Л.* Альбом Юрия Никитича Бартенева // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1910. Т. 15. Кн. 4. С. 203—205.

[5] *Гречаная Е. П.* Когда Россия говорила по-французски: Русская литература на французском языке (XVIII—первая половина XIX века). М., 2010. С. 233—234, 358—361.

[6] *Гречаная Е. П.* Литературное взаимодействие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797—1825). М., 2002.

[7] ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 6, 7. В дальнейшем отсылки к этим документам приводятся с указанием номера дела и листа. Приношу сердечную благодарность А. С. Бодровой и Н. В. Назаровой за помощь в работе с материалами этих писем.

[8] ИРЛИ. 32543/CCXLVI6 28. Эти письма сохранились в бумагах А. Ф. Лабзина из архива Вильгорских. По-видимому, они готовились к печати Б. Л. Мод-

частные письма Хвостовой хранятся в Российской государственной и Российской национальной библиотеках.[9] Помимо этого от Хвостовой, по-видимому уже к концу XVIII в. отделившейся от мужа, сохранился и ряд официальных прошений.[10]

Несмотря на то что от Хвостовой осталось значительное количество текстов, посвященных описанию собственной жизни, биографических данных в обычном понимании этого выражения найти в них почти невозможно. Уже первые сочинения, прославившие Хвостову, «Отрывки», «Камин» и «Ручеек» (1795—1796), носят в высшей степени субъективный характер и посвящены описанию переживаний писательницы по поводу событий ее жизни; между тем о самих этих событиях читатель почти ничего не узнает. Особенно показательна эта особенность в «Камине», где при том, что событием, вызывающим медитацию, становится отъезд «в страны дальние», ни о причинах отъезда, ни о месте назначения ничего не сообщается, однако подробно описывается воображаемое путешествие в отдаленные области (древнюю Шотландию, Киев и Финляндию), скорее всего ничего общего с реальным путешествием не имеющие. Также неопределенна Хвостова и в «Ручейке»: близкий к автору читатель должен был, по-видимому из указания на то, что отрывок написан в мае 1796 г. в селе Вейно, предположить, что он посвящен смерти свекра Хвостовой, однако ничего о самом умершем и о его отношениях со снохой, заставивших Хвостову называть его «отцом», здесь не сообщается.[11] Всю жизнь, по сути, Хвостова писала «психологию

залевским. Их текст был им переписан набело и приложен к текстам оригинала.

[9] 1) РГБ. Ф. Вязёмы. Карт. 103. № 37 — письма 1797 г. к Н. П. Голицыной; в письмах Хвостова описывает свою светскую жизнь в Петербурге и помимо прочего сообщает, что недавно вернулась из Смоленска, где проживала, по-видимому, достаточно долгое время; 2) РНБ. Ф. 569. Оп. 1. № 889 — письмо 1835 г. к Ф. Л. Переверзеву с просьбой вступить в совет Киевского общества помощи бедным; 3) РНБ. Ф. 203. О. 1. № 6 — письмо 1836 г. к А. Н. Голицыну.

[10] Из фондов РГИА мне известны прошения 1802—1807 гг. о приобретении крестьян Хвостовой в казну (Ф. 515. Оп. 7. № 11), а также в Комиссию о рассмотрении прошений разоренных в войне 1812 г. (см. приложение № 2). Важный биографический материал должны содержать пока не обнаруженные мною дела о долгах Хвостовой и ее мужа, рассматривавшиеся в 1810—1820-х гг. в Сенате; следует также более внимательно изучить материалы о деятельности киевского Левашовского женского училища, которое Хвостова возглавляла в 1833—1840 гг.

[11] В селе Вейно Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии в 1743 г. Хвостовыми была построена церковь Обновления храма Воскресения Господня (Историко-статистические сведения о С.-Пб. епархии. СПб., 1885. Вып. 10. С. 147). Петр Матвеевич Херасков скончался в период между 21 января 1796 г. и маем 1802 г.; о владении Херасковыми землей в Вейно ничего не известно: отцом в 1796 г. Хвостовой были подарены земли в деревнях Псковской губернии: Псковского уезда Горушка, Борок, Виски, Коломна, Загорье, Баранова; Островского уезда: Телятникова, Орел (Орлецы), Заходы, Пижева и Са-

жизни своей» (как она назвала в 1834 г. свое небольшое медитативное сочинение, написанное в альбом Ю. Н. Бартенева); в воспоминаниях о прошлом нравственные переломы, связанные зачастую с малозначительными событиями, интересовали ее значительно больше, чем обстоятельства внешней биографии. Очень характерно, что, неоднократно обращаясь к воспоминаниям о разрыве с мужем — событию, несомненно в ее жизни ключевому, — Хвостова нигде не только не упоминает времени, когда он произошел, но и сами обстоятельства его скрывает под описанием своих тогдашних и нынешних переживаний. Вот самое подробное из них:

«Муж мой был человек добрый, любил меня любовью мужа и человека; но мы друг друга не понимали, говорили не одним языком; он ходил по земле, а я носилась в вихре талантов и воображения. Ему лишь было дотягиваться до меня, и я не догадывалась спуститься. Впрочем, он уважал меня, гордился моими талантами, выказывал меня, как заморскую птичку; но хвастовство это было похоже на то, с каким показывают купленную случайно вазу, которую, переказав всем гостям, ставят на место и не вспоминают уже о ее существовании. Счастье покупки, если догадаются покрыть ее колпаком хрустальным, но у меня и того не было; и пыль мира была вправе загрязнять, как хотела, беззащитность мою. Лишась детей (трех сыновей в течение шести месяцев), сердце мое осиротело еще более. Дотоль какая-то тень единства существовала между нами, мы были еще — *мы*, мое и его были еще *наше*; но с развязкою узла, который нас несколько связывал, мерзлая черта полярная пересекла супружество наше... *Я — он* заменили *мы* семейственное. Злые люди, расчет чужого корыстолюбия и, не скрою от тебя, мое собственное легкомыслие, тягость мучительная носить одной бремя бытия своего, довершили последнее».[12]

Там, где Ф. Ф. Вигель, пересказывая ту же историю, слышанную от Хвостовой, сводит все к обыденным житейским понятиям,[13] сама она указывает лишь один биографический факт, значительно более впечатляющий, чем измены или финансовые неурядицы, — смерть

муйлова с приписанными к ним 200 крестьянами (РГИА. Ф. 515. Оп. 7. № 11. Л. 8 и др.).

[12] *Хвостова А. П.* Мои бредни... С. 8.

[13] «В первой молодости выдали ее за Дмитрия Семеновича Хвостова, человека глупого, грубого и порочного <...> которого не делать рогоносцем, право, было бы грешно. Однако же <...> год-другой после замужества страстно была она привязано к его молодости и своему долгу. Он же первый начал показывать ей презрение, явно и подло стал изменять ей, искал в низших классах наемной любви <...>. Муж Хвостовой прожил сначала ее приданое, потом проматывал второе и третье наследство <...> готов был отказать ей в малейшей помощи. <...> Свекор, умирая, завещал ей порядочное содержание и обязал сына выплачивать ей оное. Сие делал он не слишком исправно» (*Вигель Ф. Ф.* Записки... С. 226).

детей, в прочем же широкими мазками использует сравнения, настолько безличные, что в конце речь вообще сводится к местоименному письму («мы», «наше», «я», «он»).

Начиная в 1835 г. «Мои бредни», Хвостова писала Ю. Н. Бартеневу: «Рассказать проходимого не можно, не потому что не хочется, но истинно потому, что нет на это коротких таких слов, каковы мгновенные (лучше сказать внезапные) ощущения и впечатления».[14] Собственно, именно в описание этих ощущений и впечатлений, а не в рассказ о «проходимом» и превращаются все автобиографические сочинения Хвостовой. Даже в собственно мемуарных «Моих бреднях» мы почти не встретим упоминаний о прошлом их автора: это в первую очередь воспоминания о родных, знакомых и ушедшем времени, а не о себе самой. И только сопоставление нескольких источников позволяет с некоторой степенью достоверности восстановить отдельные события ее жизни.

Не имея возможности осветить в настоящей статье подробно все новые аспекты биографии А. П. Хвостовой, открываемые во вновь обнаруженных источниках, я вижу более целесообразным подробно осветить ниже только два из них, а также привести в приложениях ряд документов, представляющих, на мой взгляд, наибольший интерес.[15]

* * *

Одной из первых проблем в биографии Хвостовой, с которыми сталкивается биограф, становится дата ее рождения. Единственным источником, точно указывающим год рождения писательницы, является ее гравированный портрет, выполненный в конце 1790-х или в начале 1800-х гг. на средства А. М. Белосельского-Белозерского. На портрете Хвостова изображена с небольшим бумажным предметом в руках; судя по всему, это — сочинение, принесшее ей славу, «Отрывки», опубликованные в 1796 г. в подлинно миниатюрном формате — в 24-ю долю листа, что вполне соответствует традиции изображать писателя на портрете с основным трудом его жизни.[16]

---

[14] № 6. Л. 56. Письмо сохранилось не полностью, не датировано, имеет плохо читаемый почтовый штемпель, по-видимому 1835 г.

[15] Более подробно канва жизни А. П. Хвостовой изложена мною в статье: *Костин А. А.* Хвостова Александра Петровна // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. Р—Я. С. 35—339. После подготовки «Словаря...» к печати важные сведения об истории восприятия сочинений Хвостовой появились в трудах: *Кочеткова Н. Д.* События частной жизни в русской литературной культуре XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 259; *Науменко В. Г.* «Здесь, на конце России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII—начала XIX века. Ярославль, 2010. С. 333, 343; *Гречаная Е. П.* Когда Россия говорила по-французски... С. 173.

[16] См. в настоящем сборнике статью С. И. Николаева.

Писательнице, изображенной на портрете, должно было быть во время его создания около тридцати лет: об этом явно свидетельствует разъяснение к портрету: «Александра Петровна Хвостова, родилась в 1767 году».

Между тем уже имеющиеся в распоряжении исследователей сведения не позволяют однозначно признать эту дату верной. Так, например, в декабре 1834 г., вскоре после своего дня рождения, начиная мемуарные записки, Хвостова писала: «Время, таща меня по терниям 71-й год уже, тяжелою ступнею затоптало способности мои прежния». Из этого следует заключить, что 4 декабря 1834 г. ей исполнилось 70 лет, т. е. родилась она в 1764-м. В альбоме М. А. Максимовича в 1842 г. Хвостова оставила запись, заканчивающуюся следующими словами: «Мне 80 лет. Время затоптало все различные способности мои, и жизнь, как перегорелый уголек, едва тлеется в разрушающемся бытии моем», что указывает на другую возможную дату рождения — 1762 г. Наконец напечатанный с годичным запозданием, в 1853-м г., некролог Хвостовой указывает, что она умерла в возрасте 90 лет, из чего также следует заключить, что родилась она в 1762 г.

Склониться к такому заключению заставляет следующее обстоятельство. Среди трудов А. П. Хвостовой как самый ранний известен перевод сочинения Гуго де Бальма «О тройственном пути души». На перевод этот в 1850-х гг. Н. Н. Голицину указал Ю. Н. Бартенев, назвав и возраст, в котором он был ею выполнен, — 20 лет. Исходя из известной по справочникам даты рождения Хвостовой (основанной на дате, указанной на портрете), позднейшие исследователи решили, что перевод этот должен был быть выполнен соответственно в 1787 г. Но поскольку такого печатного труда не известно, а имеются лишь смутные указания на него в коллекции копий титульных листов Бантыша-Каменского и в списке изъятой в 1788 г. из московских книжных лавок литературы, было решено считать перевод Хвостовой разыскиваемым изданием.[17] Однако, как кажется, издание это можно отнести к числу desiderata indesideranda — разыскиваемых изданий, которых не стоит разыскивать. Дело в том что русский перевод сочинения «О тройственном пути души» хорошо известен как во многих списках,[18] так и в нескольких печатных вариантах, поскольку был опубликован впервые в 1782 г. в «Избранной библиотеке для христианского чтения», претерпевшей несколько переизданий, последнее из которых относится к 1787 г., откуда, по-видимому, Бантышом и составителями описей книг, изъятых из московских книжных лавок, и были взяты сведения о мнимом титульном листе.

---

[17] Список разыскиваемых изданий, не вошедших в Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. С. 161.

[18] *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е, испр. и расш. / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 2001. С. 455.

Именно Хвостова и была, судя по всему, автором этого перевода. И это еще более заставляет признать датой рождения Хвостовой 1762, а не 1767 г., предположив в указании времени рождения на портрете вполне объяснимое желание вошедшей в моду писательницы омолодить себя.

Между тем обращение к переписке Хвостовой не позволяет считать этот вывод однозначным. Если сопоставить указания Хвостовой на свой возраст в письмах к Ю. Н. Бартеневу, то окажется, что в них она старела значительно быстрее, чем текло время. В 1823 г., сообщая о том, что ее высылают из Петербурга, Хвостова указывала, что ей сейчас 57-й год, т. е. в полном соответствии с данными портрета оказывалось, что она родилась в 1767 г. В марте 1833-го она пишет: «Доживя до 69 лет, состарившаяся скорбью еще более, нежели летами, я часто не нахожу сил говорить о себе» — это значит, что в 1833 г. ей должно было исполниться 70, а значит родилась она в 1763-м. В феврале 1840 г., пытаясь организовать подписку на издание собрания своих сочинений, она писала: «Тормоши доброго любимца Божия (А. Н. Голицына. — *А. К.*) как-нибудь выработать, чтоб Государь и Священное семейство Его подписались, а тогда весь двор и царедворцы помогут напечатанию. Не вправе ли я ожидать справедливой етой милости? <...> Ужели 78-ми летняя преданность не заслужила черты пера, которым бы успокоились последние дни мои?» Если в это время Хвостовой было 78 лет (которые исполнились 4 декабря 1839 г.), то датой рождения следует признать уже 1761 год.[19]

Отчасти пролить свет на эту загадку, как кажется, может другой портрет Хвостовой — написанный, но не сохранившийся. Он был создан в 1835 г., когда Хвостова начала «Мои бредни» и решила вновь напомнить о своем существовании литературному миру созданием собственного альбома наподобие увиденного ею в 1834 г. альбома Ю. Н. Бартенева. Вот что она пишет о нем в письме: «Благодарю и за обещанной альбом, но договор, прошу не писать никаких личностей, комплименты и размазня похвальная приторны и надоели. Пусть всякий напишет в стихах или прозе то, что ему лучше понравилось. Я считаю, что это лучший портрет души и сердца человеческаго. A propos de portraits. Белкин твой[20] пропал и глаз не кажет. Между тем племянник мой вздумал также помучить меня из хари моей, и я три сеанса уже выдержала. Кисть хороша, но мне кажется, что вышла из меня какая-то старушонка лукавая, немного

---

[19] Если толковать буквально указание в более позднем письме того же года: «Под 80ть лет нет уже [нрзб.]» (Л. 62), то отнести время рождения можно и вовсе в 1760 г. В сентябре 1847 г. Хвостова писала Бартеневу: «Ты забыл, друг мой Юринька, что я девятый уже десяток доживаю» (Л. 32), что предполагает временем рождения конец 1750-х гг.

[20] Художник, который, по-видимому, должен был писать портрет Хвостовой по договоренности с Бартеневым.

на ведьму похожая».[21] Кажется, что сетования Хвостовой носят здесь формальный характер; портретом она осталась несомненно довольна,[22] и то, что на портрете была изображена именно не молодящаяся старушка, было для нее чрезвычайно важно. Если в 1823 г., все еще по мироощущению оставаясь столичной светской дамой, Хвостова указывала свой возраст, исходя из даты рождения 1767 г., то впоследствии, став настоятельницей училища благородных девиц, играя на своем старческом образе, она стала указывать его, исходя из 1762-го, ничуть не стесняясь своего возраста, а стараясь, прибавив себе лет, добавить и веса своей старческой умудренности.

Как бы то ни было, либо в одном, либо в другом случае Хвостова намеренно искажала свой возраст. Какая из дат более верна? Вряд ли на этот вопрос, основываясь на имеющихся данных, можно дать однозначный ответ. В пользу более поздней даты говорит следующее обстоятельство. В июне 1786 г., находясь несколько месяцев во Владимире, П. А. Неелов записал в своей рукописной книге дни рождений и именин близких ему людей. Среди них под 4 декабря отмечено: «рождение Александры Петровны Херасковой».[23] Соотнося указание здесь девичьей фамилии Хвостовой со свидетельством Вигеля о том, что замуж ее отдали «в первой молодости» (а в «Записках» этим неоднократно употребленным выражением обозначается возраст около 20 лет, но никак не 24—25), следует заключить, что в брак Хвостова вступила около 1787 г., а родилась не раньше 1766-го.

* * *

Наибольший интерес в литературном наследии А. П. Хвостовой помимо принесших ей известность «Отрывков» представляют ее мемуарные записки «Мои бредни». В отличие от ряда опубликованных в 1816—1818 гг. сочинений, появившихся под влиянием А. Ф. Лабзина и заслуживающих внимания только в связи с мистической литературой его круга, «Мои бредни» представляют несомненный интерес как образец русской беллетризованной мемуаристики 1830-х гг. Как было сказано выше, Хвостова в них мало заботилась о том, чтобы рассказать о своей биографии, но пыталась найти в жизни людей, с которыми она была знакома, истории, которые при определенной литературной обработке могли бы представить интерес как литера-

---

[21] № 7. Л. 1 об.

[22] Ср. в более позднем письме того же года: «Копию с портрета ведьмы, обещался мазилка сделать за 50 р. Постараюсь вымучить у Белкина эти деньги, чтоб тебя не изьянить харей моей, которую однако все узнают тотчас на портрете» (Л. 52 об.).

[23] *Писаренко К. А.* Из архивных россыпей потемкинского времени // Русский архив. М., 2007. Т. 15. С. 205.

турное сочинение. В большинстве своем рассказы «Моих бредней» в высшей степени нравоучительны: здесь есть история преданной любви девушки из низших сословий, волею судьбы ставшей супругой дворянина-повесы, — любви, приведшей в итоге к исправлению этого повесы («Быль»); есть история о раскаянии в давнем убийстве некоего мещанина, благодаря этому убийству получившего уважение окружающих («Ковыла»); есть история о нравственном падении путешествующего за границей молодого дворянина, сошедшегося с ложным другом — безбожником и игроком («Письма молодого русского XVIII века»); но есть здесь и трогательные воспоминания о родных — отце («Деревенская пирушка») и родне мужа («Роковое слово», «Досуг). Как опыт литературного труда, осуществленного писателем конца XVIII в. в 1830-е гг. — в совершенно иную литературную эпоху — «Мои бредни» заслуживают несомненного интереса. Они ждут еще своего внимательного исследователя и комментатора, здесь же мне хотелось бы коснуться вопроса об истории создания этого сочинения, с почти исчерпывающей полнотой восстанавливаемой на основании писем А. П. Хвостовой к Ю. Н. Бартеневу.

О времени начала работы над «Моими бреднями» можно судить исходя из письма от 8 января 1835 г.: «С 4 декабря, день рождения моего, начала писать в книгу все бредни мои; тебе посвятила их заглавием; и назначила, чтоб после меня они к тебе были пересланы. Но нетерпение женское и какая-то охота потешить тебя заставила меня вздумать переписать пьески две-три и переслать их по оказии, чтоб не платить весовых. Ты в них увидишь les hauts ex bas d'uns coeurs tantot calme tantot malade. *В Бреднях моих*, это титул книжки, страниц уже двадцать намарано. Но беда хотела, чтоб бумага попалась такая шароховатая, как валдайские горы. Я цепляюсь за нее при каждой строчке, и досада гасит часто мысли мои. Впрочем, как спелось, так и вкушай, не прогневайся...» [24]

По-видимому, непосредственным толчком к началу работы над «Бреднями» стало знакомство Хвостовой со знаменитым альбомом Бартенева, включающим автографы А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, М. Н. Загоскина, В. Ф. Одоевского и многих других крупных писателей первой половины XIX в.[25] С альбомом Хвостова познакомилась в июле 1834 г., когда Бартенев посещал Киев, и оставила здесь обширную запись, «Ты требуешь, друг мой, психологии жизни моей...», вызвавшую позже в дневнике ряд откликов, вплоть до 1850-х гг., в том числе — прочувственный ответ Н. А. Полевого («Сегодня минуло ровно тридцать девять лет...»),[26] которым Хвостова очень дорожила. Знакомство с этим альбомом заставило Хвостову вспомнить, что и она — писательница (до того

---

[24] № 7. Л. 1. Курсив А. П. Хвостовой.

[25] *Модзалевский Б. Л.* Альбом Юрия Никитича Бартенева... С. 200—221.

[26] Там же. С. 202.

последний ее литературный опыт — известная только по письмам Ю. Н. Бартеневу обработка в 1826—1827 гг. «Ставрофилы» Иоанна Максимовича[27]), вследствие чего она сперва решила и сама обзавестись собственным альбомом,[28] а позже, после отъезда Бартенева из Киева, начала писать и собственные сочинения — сперва повторяющие по жанру медитативный отрывок из бартеневского альбома («Байрон», «Незнакомый. 1834-го года»), а позже — беллетризованные воспоминания о своих родных и знакомых.

Начальный корпус «Бредней» был сформирован Хвостовой к июню 1835 г.[29] Уже в это время у нее появляется идея о том, что

---

[27] См. письмо от 6 апреля 1827 г.: «Я мало писала к тебе, писала, может быть, холодно, но причина тому была <...> более всего занятие, полезное для христиан, предпринятое мною для пользы их, то есть сформирование пути крестнаго, по образцу понравившейся мне книги Иоан. Максимовича под названием «Ставрофила или царский путь + (креста. — *А. К.*) Господня». Прекрасная книга сия, по древности уже редкая, писана варварским языком славенопольским и едва разумительна в оригинале. О[тец] Мак[?] натолкнул меня переложить ее на гражданский диалект; но, по своевольству моему, начала переводом, а наконец и совсем от подлинника ушла, ибо, сохраня свято основу учения, почла нужным прикрасить и заменить эпизодами нынешняго века древние и одним только монастырским приличные эпизоды оригинала. Вот год как тружусь я над этим сочинением прекрасным и теперь набело уже списываю» (№ 6. Л. 72 об.).

[28] См. письмо от 2 сентября 1834 г.: «Я поручила Литову вручить тебе ту бумагу с виньетками, которую ты подарил мне. Чтоб ничто от тебя не пропало, прошу тебя, друг мой, приказать сделать мне из него альбум незадорный, с футляром, оставляя листки так, как они сложены по порядку. Напиши в нем что-нибудь; попроси и милую Кат[ерину] Сте[пановну Бартеневу] и умницу племянницу, также и Писемских написать что-нибудь и перешли ко мне на почте» (№ 7. Л. 25—25 об.). Хвостова несколько раз напоминает после о своем желании заполнить альбом («Благодарю и за обещанный альбом; но договор — прошу не писать никаких личностей; комплименты и размазня похвальная — приторны и надоели. Пусть всякий напишет в стихах или прозе то, что ему лучше понравилось. Я считаю, что это лутчший портрет души и сердца человеческого». — Письмо от 8 января 1834 г.; № 7. Л. 1 об. — 2). Она указывала также и писателей, автографы которых ей хотелось бы иметь (прежде всего, относящихся к ее же литературному поколению): «Я сама твоего мнения, нахожу, что обыкновенные лясы в альбомах приторны, а потому и у себя позволяю только писать каждому то, что более заговорило сердцу его, хотя бы то было и чужое. Спасибо за стишки, они мне по сердцу. Не можешь ли попросить и [Н. А.] Полевого и Ив. Ив. Дмитриева и Князя нашего [П. И.] Шаликова написать что-нибудь в Альбоме, которой ты мне готовишь. Мне лестно иметь памятники этих отличных людей» (от 22 мая; № 7. Л. 52; имена Шаликова и Дмитриева повторяются в письме от 20 июля 1835 г. — Л. 56). Собственный альбом несомненно соотносился ею с бартеневским: «Навербуй писателей в обещанный альбом <...>. Твой альбом будет почетный, а мой, тебе в наследство назначенный, — собрание мыслей и стихов, говорящих сердцу моему» (Л. 56).

[29] См. сообщения Хвостовой об отправке Бартеневу отдельных статей: «Ты все молчишь, ленивец, а я все пишу и пишу для тебя. — Вот тебе целая тетрадь бредней; они для тебя из пера выплыли, и с 4го декабря писались в том наме-

воспоминания ее — исторический материал, из которого умелый литератор может создать более совершенное произведение: «В голове вертится многое, но писать, переписывать набело утруднительно. [Тем] не менее буду присылать к тебе материалы кое-какие, а ты сам или кто другой прикрасьте плотничного моего болвана. — Что ж ты ничего не пишешь мне ничего (sic! — *А. К.*) об Бреднях; говори правду, я никак не постою признаться, что они точно бредни. Ты согласишься, что писать не только мысли или воспоминания, но даже простое письмо требует простора не только сердцу, уму, дыханию, но даже локтям, рукам и ногам. Что-нибудь из них стесненное непременно переливается и на пишемое; а я вся стеснена обстоятельствами; как же думать, как чувствовать свободно».[30] К этому времени, по-видимому, относится черновой вариант повести «Роковое слово».[31]

Отдельные фрагменты «Моих бредней» писались, однако, до 1839 г. В 1838 г. Бартенев предложил, по-видимому, Хвостовой опубликовать «Бредни», на что она отвечала ему: «Зачем печатать марашки мои, друг мой? Я пишу про себя, про друзей моих. Не чувствуя себя в силах устоять против разборчивости века нашего, робею перед ней в невежестве моем и лучше хочу остаться в любезной неизвестности, нежели, подставляя медный лоб заслуженной критике, на старости лет сделаться посмешищем публики. Если тебя подстрекает непременно желание подвергнуть меня пересуду рецензий, брось что-нибудь в журнал для пробы, но, пока я жива, не производи меня в писательницы. Напечатать целую книжку марашек — претензия известности, а с меня достаточно быть известной одним друзьям моим. — Вот еще тетрадка. Так это историческая быль, попроси любезнаго Полевого обстругать мой чурбан, если он чего-нибудь заслуживает. Да что же ты мне никогда ни черно ни бело не говоришь об марашках моих? Хоть посмеялся бы надо мною Брамбеусовым смехом, и то было бы ответ».[32] Идее этой, однако, осуществиться было не суждено.

рении, чтобы после меня к тебе быть пересланы <...> но нетерпение женское вымучило из меня поспешить пересылкою. Мне казалось, что я тебя утешу; а как не хотеть утешить того, кого любишь! Однако, книга, названная Бредни, вся твоя, ибо здесь из нее только несколько выписок, а там и еще кое-что иное и недоделанное еще» (от 15 февраля; № 7. Л. 39); «За скорым отъездом Литова писать много некогда. Вот тебе портфель моей работы в доказательство, что я о тебе думаю» (от 8 июня; № 7. Л. 55).

[30] Письмо от 22 мая 1835 г.; № 7. Л. 51—51 об.

[31] ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 1. Л. 47—50. Данная редакция отличается от печатной в первую очередь отсутствием вступления (от «Вот опять сказочка...» до «Семейная быль») и заключения (от слов «Вот тебе чурбан необтесанный...»). В печатном тексте появляется датировка повести: «1837. Апрель, на 75-м году жизни» (*Хвостова А. П.* Мои бредни... С. 18). Как явствует из повторения формулы о «чурбане» из цитируемого ниже письма от 14 июля 1837 г., датировка эта, по-видимому, более позднего происхождения.

[32] Письмо от 14 июля 1838 г.; № 7. Л. 11.

Вновь к идее публикации «Бредней» Хвостова вернулась уже сама год спустя, и в связи с причинами вовсе не литературного характера. Следует отметить, что, потеряв собственных детей, Хвостова впоследствии неизменно имела при себе воспитанниц. Из них нам известны Елизавета Карпова (ум. 1815),[33] Вера Александровна Леонрод, в 1819 г. вышедшая замуж за Ф. И. Прянишникова; некто Кокорева,[34] Наденька,[35] Оля[36] и Саша. Последняя упоминается в письмах Хвостовой с 1834 г., и именно с ней связаны попытки Хвостовой опубликовать свои сочинения в 1839—1840 гг. Дело в том что в 1839 г. эта Саша вышла замуж за Николая Ивановича Гельмана — молодого человека, известного до того своим пристрастием к азартным играм, но при знакомстве с Хвостовой показавшим себя нравственно преобразившимся. Брак был заключен Гельманом, повидимому, без благословения отца, и тот отказал ему в содержании. Летом 1839 г. молодые оказались в Петербурге, Гельман проиграл полученные им от Хвостовой деньги, и Саша оказалась в крайне бедственном положении, в связи с чем Хвостова написала Бартеневу: «Одно только остается средство, и на то помощь твоя нужна мне, друг мой. Соберем все мои марашки, переправя ошибки грамматические, и отдадим их напечатать, а потом вырученные деньги положим в капитал Саше, чтоб муж ее не знал, а проценты будем посылать ей по третям. Пусть трудовая копилка моя кормит и после смерти моей дитя!»[37]

Следует сказать, что мера эта была действительно отчаянная: по недавнему собственному опыту Хвостова знала, как ненадежен доход от издания собственных трудов. Предприняв в 1833 г. из материальных соображений переиздание своих «Отрывков», Хвостова, несмотря на относительную незначительность потраченных средств[38] и положительную рецензию Н. И. Греча в «Северной пчеле»,[39] так и не смогла не только получить прибыль от этого предприятия, но и возместить убытки. Получив из полного завода (1200 экземпляров)

---

[33] См.: *Хвостова А. П.* 1) Письма Христианки... СПб., 1815. С. 127, 134—135; 2) Слава Богу! Слава Богу! // Сионский вестник. 1817. Ч. 5. Кн. 4. С. 106—112.

[34] См. письмо Ю. Н. Бартеневу от 20 янв. 1824 г.: «Я буду писать тебе перед отъездом о порученной тебе питомице моей Кокоревой» (№ 6. Л. 38).

[35] См. упоминание в завещании; письмо от 27 сентября 1830 г.: № 7. Л. 100 об.

[36] См. в письме М. А. Максимовича к Ю. Н. Бартеневу: ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 3. Л. 136.

[37] Письмо от 24 сентября 1839 г.; № 7. Л. 68 об. Полностью текст письма см. в приложении.

[38] См. письмо от 4 марта 1833 г.: «Придумывая, как бы пропитать старость мою при возрастающей повсюду дороговизне, я решилась подняться на спекуляции и послала в Петерб. к Смирдину *Камин* мой для напечатания нового издания. За 200 р. мне отпечатают онаго 1.200 экземпляров» (№ 6. Л. 114).

[39] Северная пчела. 1833. № 222 (2 окт.). С. 885.

на руки 500 экземпляров, она передала остальные 700 для продажи книгопродавцу А. А. Плюшару, который, судя по ее письмам, вряд ли сумел продать большое количество экземпляров. Во всяком случае еще в 1838 г. Хвостова писала Бартеневу: «В порыве любви некогда обещал ты мне похлопотать о бедном *Камине* моем. Его должно быть до 700 экземпляров у Плюшара. Постарайся хоть по 50 коп. сбыть их; хоть за отпечатанные выбрать 250 р., за них заплоченные, а ко мне пришли для раздачи экз. 50».[40] Поэтому желание вновь «подняться» на подобные «спекуляции» могло быть продиктовано только старческой привязанностью к воспитаннице и испытываемым перед ней чувством вины.

Наученная горьким опытом своего предыдущего предприятия, Хвостова решила изменить свой подход к получению дохода. Если прежде она предприняла издание на собственные средства и лишь затем задумалась о распространении («нельзя ли и в Костроме втереть книгопродавцу экземпляров сотню-другую, хотя с уступкою»;[41] «Разведай, Бога ради, у Смирдина и Плюшара, куда девался мой Камин <...>. Поговори от меня Князю нашему [А. Н. Голицыну], не возьмет ли их за его слово [С. С.] Уваров для учебных заведений? Естли и тут не удастся, то собери их, друг мой, и от меня поднеси даром Институтам Женским, состоящим под покровительством Госуд. Императрицы»;[42] «Если бы можно гуртом продать их для рассылки по городам, я отдала бы по 1 р. каждый. Не поленись, дружок; авось хоть на похороны мои собралось бы хоть что-нибудь»[43]), то теперь она решилась действовать через подписку, избрав беспроигрышный в случае удачи вариант: «Добрый князь наш [А. Н. Голицын] по христианскому сердцу своему не отречется, я думаю, начать подписку с высочайшей фамилии, и тогда и царедворцы двинутся. Вдобавок и [Н. И.] Греч и [С. Ф.] Глинка мои доброжелатели. Не худо и в Москву послать такой же лист доброму [Н. А.] Полевому нашему».[44]

Несмотря на то что предприятие это Хвостовой не удалось (с одной стороны, планы Хвостовой носили слишком уж прожектерский характер и Бартенев не проявил к ним интереса;[45] с другой — вскоре

---

[40] Письмо от 21 сентября (1838) г; № 7. Л. 66.

[41] См. письмо от 4 марта 1833 г.; № 6. Л. 114.

[42] Письмо от 21 марта (1834) г; № 7. Л. 49.

[43] Письмо от 22 мая 1835 г.; № 7. Л. 52 об.

[44] Письмо от 12 октября (1839) г.; № 7. Л. 70.

[45] Последнее решительное указание на желание Хвостовой издать свои сочинения относится к 3 февраля 1840 г: «Мне кажется, что тебе некогда заниматься марашками моими, а между тем время летит <...>. И для того чтоб облегчить тебя, друг мой, не согласишься ли, чтоб, оставя на мне ничтожное для меня бремя безграмотства, отвезти *Мои бредни* к Гречу, который когда-то в «Северной пчеле» отозвался обо мне превосходно. Он поймет, что женщина не профессор риторики и что сердце болящее или преисполненное не имеет время расставлять по местам ѣ и е или предлоги забытой граматики. Ну пусть добрый Греч увидит, что я невежа; но сердце его узнает точки моего; и для меня, и для

Хвостова нашла более действенный способ раздобыть деньги: отправила Бартеневу на продажу фермуар стоимостью в 5000 рублей), идея издания сочинений вновь пробудила в Хвостовой память о ее писательстве, и она произвела, с одной стороны, переоценку всего своего творчества, а с другой — дополнила и переработала текст «Моих бредней».

Общий план издания описан Хвостовой в письме от 12 октября 1839 г.: «В разборе статей. Кажется, надо разделить на две части: пусть одна будет светская, а другая духовная; только отнюдь не перепечатывать *Писем Христианки*, которые так много соблазна наделали; пусть они забудутся».[46] Это разделение на светские и духовные сочинения особенно важно для оценки следующего замечания о плане издания, сделанного 8 ноября: «Я послала к тебе кучку марашек. Получил ли ты их? ... Будь же имя марашек моих *Мои бредни*. Но не ставь Бога для имя моего. Из Сион[ского] Вестн[ика] выбери статьи, напр[имер] *Слава Богу* в первую часть, а духовные — во вторую. Я хотела бы, чтоб и любезного Полевого письмо[47] поместить в первую часть».[48] Судя по этому указанию, к «светским» своим сочинениям Хвостова относила собственные интроспективные произведения. Статья «Слава Богу! Слава Богу!» была опубликована в 5-й части «Сионского вестника»; она посвящена описанию истории духовного перерождения сочинительницы, обрамлена благочестивыми рассуждениями А. Ф. Лабзина, где указано, что автор статьи — «Писательница N. N.». С этой статьей непосредственно соотносится оформленная подобным же образом статья «Госпожи N. N.» в 4-й части журнала «О милосердии». По-видимому, в первую часть собрания сочинений должны были также войти «Отрывки», статья «Ты требуешь, друг мой, психологии жизни моей...» из альбома Ю. Н. Бартенева и собственно «Мои бредни», а во вторую — «Советы душе моей»[49] и «Письма Христианки» из «Сионского вестника».[50]

Готовя для публикации свои мемуарные записки, Хвостова досылала Бартеневу оставшиеся в столе повести, а также новые варианты ранее отосланных. Уже 12 октября 1839 г. она писала: «Ты не успел

продажи *Бредней* этого довольно, и я умру спокойно <...>. Тебе Юринька, друг мой, поручаю важное психологическое дело это. Ты понимаешь, что в нем целая вечность моя заключается» (№ 7. Л. 13 об—14 об.). На него, судя по всему, Бартенев никак не откликнулся: «Что и о *Бреднях* слышно? Идет ли дело на лад? Пора, пора, друг мой» (письмо от 6 сентября 1840 г.; № 7. Л. 62).

[46] № 7. Л. 70.

[47] См. прим. 26.

[48] № 7. Л. 89 об.

[49] *Хвостова А. П.* Советы душе моей, творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве. СПб., 1816.

[50] Христианка [Хвостова А. П.]. 1) О трех молчаниях // Сионский вестник. 1817. Ч. 5. Кн. 5; 2) Второе письмо Христианки к приятельнице // Там же. Ч. 5. Кн. 6; 3) Письмо христианской писательницы к другу // Там же. 1818. Ч. 6. Кн. 9.

уже ответить на письмо мое, а я уж перешарила бумаги мои и посылаю к тебе найденушей. *Раздумье* и *Байрона* переправила; прежние (то есть *Навсегда* и *Байрона*) почитай не существующими».[51] 10 ноября было отправлено еще одно дополнение: «Я все еще люблю тебя по-стародедовски и в доказательство посылаю тебе целую книгу марашек, для тебя наваренных. Прежнее *Навсегда, навеки*[52] истреби; новое на досуге кое-как исправлено. *Письма русского* еще болван необтесанный, но закваска — точная быль и, может быть, искусной рукой исправленная, могла бы быть чем-нибудь путным. Третья тетрадка, *Пирушка деревенская*, тоже быль, которой я была свидетелем».[53] Наконец, 22 декабря был послан последний материал: «Посылаю к тебе, Юринька, друг мой, еще отысканную в сору, *Чепуху*.[54] Не ручаюсь, достойна ли она хоть копеечки, но она когда-то родилась, как Минерва, из мозга моего; тем более что свидетельницею бывала московскому быту, описанному мною. Кажется, что я уж весь скарб свой вытрясла тебе. В веселое время бывали и думы веселые, но теперь положение бедного Николая [Гельмана] мучит меня несказанно».[55]

Из этих указаний можно сделать предположение о составе ранней редакции «Моих бредней» — пьесах, отправленных в 1835 г. Бартеневу. С уверенностью можно говорить о том, что в нее входили несохранившийся отрывок «Навсегда, навеки» («Раздумье»), ранняя редакция «Байрона», «Незнакомый. 1834-го года» и «Роковое слово». Следует отметить, что в публикации П. И. Бартенева все эти главы находятся в первой части текста, все же новые сочинения — «Пирушка деревенская», «Письма молодого русского» и «Глупости» — во второй. Исходя из этого, с большой долей вероятности можно предположить, что в первую редакцию входила и «Быль» о сыне контр-адмирала Борисова и его невесте; время создания «Ковылы» остается спорным. Рассматривая, таким образом, «Мои бредни» с точки зрения хронологии, следует заключить, что вначале Хвостова отправляла Бартеневу интроспективные фрагменты, повторяющие по стилю «Психологию жизни» из его дневника («Байрон»,

---

[51] № 7. Л. 70.

[52] В опубликованном П. И. Бартеневым тексте «Моих бредней» отсутствуют повести, озаглавленные или начинающиеся со слов «Навсегда, навеки» или «Раздумье».

[53] № 7. Л. 75.

[54] По-видимому, два анекдота, помещенные в опубликованном П. И. Бартеневым тексте под названием «Глупости».

[55] № 7. Л. 83. 16 ноября была отправлена еще одна часть «Бредней»: «Не в силах переписывать, и потому вчерне посылаю тебе, друг мой милый, новое изделье мое. Чего не прочтешь, так догадаешься. Писать уже тяжеленько, дни коротки, а вечера глаза портят» (№ 7. Л. 76). Судя по указанию на «тайность» посланного, указание это может относиться к отрывку «Досуг», посвященному истории о духовидении, рассказанной Хвостовой ее свекром.

«Незнакомый»; «Навсегда, навеки» (Раздумье), судя по заглавию, также должно относиться к этой группе), и лишь какое-то время спустя перешла к написанию беллетризованных воспоминаний: сперва исключительно нравоучительных («Быль», «Роковое слово»), а позже и откровенно развлекательных («Деревенская пирушка», «Глупости»).

Несмотря на то что «Мои бредни» не появились в печати, Ю. Н. Бартенев, по-видимому, способствовал их рукописному распространению. Так, Е. А. Штакеншнейдер оставила свидетельство, что в 1858 г. на вечере в доме Ф. Н. Глинки была прочитана повесть «Роковое слово».[56] Именно от Ю. Н. Бартенева получил рукопись опубликовавший впоследствии «Мои Бредни» П. И. Бартенев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Выписка из журнала [Г.-Я. Шредера]

Человек был прежде назначен к падению, чтоб сделаться выше всех ангелов.

Без натуры нельзя обрести мудрость, но без химии можно.

Велинг фальшив, Иоган Дипадуа чисто учит.

Ни призывание духов, ни златоделание не есть предмет мас[онства].

Пифагор принял буквы фило в греческую азбуку. Сии четыре иероглифа стояли над всеми египетскими храмами.

Иероглифы церкви и мас[онства] одинаковы.

Чувствительные люди должны иметь чувствительные изображения к возбуждению искать мудрость.

Поелику мудрость так близка, то люди не находят ее, и, полагая ее в отдалении, перескакивают через нее.

Бог в центре, а человек в периферии.

В мас[онстве] не должно искать мудрости; оно есть только столповая верста.

Человек у человека не может научиться мудрости, един учитель Бог.

Мас[онство] не есть ни религия, ни христианство.

Истина не может приведена быть в систему; однако ж спекуляция (умозрение) для обретения ее нужна.

Покуда не получишь в с[у]ть таких чувств, каких нельзя изъяснить, то еще не близки[й] к истине.

---

[56] Из записок Е. А. Штакеншнейдер // Русский вестник. 1904. № 5. С. 125.

N. желает не рыцарского ордена, но таинств натуры, которые, однако ж, на Христе основаны должны быть.

Наставник в Берлине Вельнер; Теден и Сольмс — великие братья.

Верно, Бог намеревает совершить нечто великое с Россиею, но мы не должны сего попирать ногами чрез нерадение. — Может, Россия будет главною директориею. — Первое правление для братьев перевесть из великаго мира в Россию.

О женщинах

Женщины должны быть[57] вне всякого соединения с орденом. — Вообще счастливее бы было никакой связи с ними не иметь. Должно оную ограничивать, а не распространять.

Состав жен не есть для магических работ. Чистота отпадает, однако ж посылается история княгини к наставникам.

О церкви

Орден есть первая апостольская церковь и был оною почти до третьего Па[пы]. — Леон папа отнял магические [зна?]ния от церкви и отдал их вел[ик]ому Ордену обратно, — чрез то она стала Вавилоном. — Греческая по разделении оставалась лучшею, она более с орденом имеет корреспонденции, однако ж, нет более таинств ни в какой церкви, но отняты вышнею магическою властию и силою.

Вероятно, орден имеет еще в католичестве свое главное пребывание.

Великий орден до отделения обеих церквей всегда пребывал между первыми настоятелями оных, но потом отвлекся от оных; однако ж Греческая церковь не так совсем отставлена была от него, как католическая.

Орден не есть секта религии, но священство Иисуса Христа.

Маг магов всегда видит Иисуса Христа так, как один ч[ел]овек другого.

Общество Етингера, имеющее Урам и Тумим, пребывает в [Гол]ландии.

Хотя путь орденский есть с[ам]ый кратчайший, но мы до него [е]ще не дошли.

Симсон думает, что [е]ще раз истинное мас[онство] придет из Тибета; Рич, напротив того, думает, что оное опять придет из восточной России.

1635. в Аравии нашли самаританскими буквами и разными знаками на сирском языке

Q U 10

B W 20

---

[57] После *быть* зачеркнуто: *исключены*.

F K $\frac{40}{70}$

Лествич говорит, что из России верно будет нечто, если только они будут скромны.

Я сказывал, что русские не любят химии, охотники до мистических книг. Вельнер говорил, что не должно все мистически изъяснять, но химия лежит во основании.

Магия учит в 8м градусе священный огнь ру[к]ами осязать. Я сказывал, мы э[то] все мистически изъясняем; он говорил, что есть и то и другое, что в одном есть возрождение души, то в другом тинктура.

Мн[огие] думают, что русские суть иудеи. П[о] преданиям, 10ть потерянных колен пошли за Черное море.

90 псалом, *Живый в помощи* и пр. есть орденский. Когда поутру[58] с благоговением на коленях молят по оному, то он защищает от в[с]ех опасностей магически. Это тайна, сообщенная от отца к сыну в семилетнюю прусскую войну.

Наступили времена, в которые *какомагия*, т. е. злая, берет верх, потому начальники наши научили[59] знать опасное оныя и предостерегли.

Шрепфер какомаг погиб бедственно.

Говорят, что неизвестный почти Тибет населен древними христианами.

Кого схватит внутренний огонь, а наружный к тому не придет, то сделается какомаг, а когда наружный огнь[60] при внутреннем, то это сходно с христианством.

Только розенкрейцер может понять истинное покаяние водою и духом по аналогии, когда он знает соединение вышнего с нижним, наружного с внутренним.

Человек мож[е]т обладать своим телом, дух к душе обратить.

Эли издатель Лодоика.[61]

ИРЛИ. 32543/CCXLVIб 28. Л. 15—17 об.

Находящаяся в бумагах А. Ф. Лабзина «Выписка из журнала» записана А. П. Хвостовой на бумаге 1802 г. и представляет собой перевод с немецкого отдельных фрагментов из дневника 1784 г. Г.-Я. Шредера (см.: Барсков Я. Л. *Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 216—223, 226—231). Перевод выполнен, по-видимому, Хвостовой самостоятельно, о чем свидетельствует правка, заменяющая неудачный вариант перевода удачным. Первая часть «Выписки» — преимущественно последовательный конспект первых записей дневника (до 221 страницы по публикации Я. Л. Барскова); начиная со слов «Орден не есть секта религии...» — разбросанные конспективные выписки из различных мест дневника.*

---

[58] Перед *поутру* зачеркнуто: *что-нибудь его по утру.*

[59] Перед *научили* зачеркнуто: *показали нам.*

[60] После *огнь* зачеркнуто: *при том (?).*

[61] В подлиннике: Ely ist ein Verfasser des Zadeyk.

2. Прошение в Комиссию для рассматривания прошений московских обывателей. 10 августа 1813 г.

В Комиссию, по высочайшему повелению учрежденную, для рассматривания прошений обывателей московских столицы и губернии, претерпевших от неприятеля разорение действительного статского советника и кавалера Дмитрия Семенова сына Хвостова жены Александры Петровой дочери

Прошение

Муж мой имел в Москве Арбатской части 4-го квартала деревянный огромный дом с разными большими службами, холодным строением, фруктовым садом и двумя оранжереями, доставшемся (sic! — *А. К.*) ему от родной тетки его девицы Анны Николаевны Матюшкиной в 1804-м году. Сей дом (по домашним сделкам мне в вознаграждение за принесенное мужу моему в жертву пособие долгам его приданому моему) был у меня под запрещением, и, принося нам 4500 р. ежегодного дохода вместе с пропадающею ныне в партикулярных руках в 12 000 р. подмосковной моей, составляли единственное имение мое и надежду.

Дом неприятелем сожжен со всем имуществом: мебельми, хозяйством, библиотекой моей и даже гардеробом и бельем, незадолго до вторжения врага мною там оставленными. — Считая дом по самой умеренной цене в сумму 35 000 р., окроме означенного движимого имения и устроения оранжереи, убыток мой превышает сумму 65 000 р., и для меня тем чувствительнее, что нигде уже ничего не имею.

Муж мой, продолжая беспорочно более 30 лет службу как в военном, так и в штатском звании (о чем формулярный список имеется в Герольдии), получая только 750 р. жалованья, как по обязанности службы своей, так и по стечению разных несчастных случаев не имея времени заниматься хозяйством, задолжал более 400 000 р., проживая здесь на малом и едва на наем квартиры, соответственной званию его, жалованьи. За неплатеж долгов его ныне имение его назначено с официального торга к продаже, и последний срок оного текущего года сентября 17-го дня. Обращаясь с покорною моею просьбою в учрежденную Комиссию, прошу благоволить рассмотрением несчастной и безвинной моей гибели, и, вникнув на горестные обстоятельства мои, под старость лет моих ниже убежища мне не оставляющих, назначить мне вспоможение для выкупу вышеозначенной подмосковной моей.

В ожидании сего пособия полагаю твердую надежду, что я не всего лишилась, если всепокорное мое прошение доведено будет до милосердого воззрения всеавгустейшей государыни императрицы Марии Федоровны как милосердой покровительницы разоренных и несчастных.

Действительного статского советника и кавалера Дмитрия Семенова сына Хвостова жена Александра Хвостова

Сего августа 10-го дня
1813-го
С. Петербург

РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 41. Л. 71—71 об.

Прошение написано в созданную в 1813 г. в Москве Комиссию для рассмотрения прошений лиц, потерпевших разорение во время войны 1812 г.; между тем оно сохранилось в делах не Комиссии, а благотворительного общества, созданного в то же время рядом частных лиц (в т. ч. А. Н. Голицыным) под высочайшим покровительством — Сословия попечителей призрения разоренных (о деятельности этих учреждений см.: Болдина Е. Г. *О деятельности Комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году. Мат-лы науч. конф., посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1997. С. 45—51;* Соколов А. Р. *Российская благотворительность. Исторические исследования. СПб., 2005). Судя по пометам на прошении, именно благодаря посредству А. Н. Голицына 31 октября 1814 г. по этому прошению Хвостовой было выдано 3000 р. (средняя сумма для пособий, выдававшихся Сословием).*

Из всех известных сочинений, прошений и писем Хвостовой имущественные отношения ее с мужем описаны здесь наиболее подробно (см. также коммент. к № 5); в качестве сравнения можно привести ее прошение на имя Д. П. Трощинского о покупке казной ее крестьян, написанное в марте 1804 г.: «Получа <нрзб.> бумагу касательно дела моего, по приказанию Вашему, с поспешностью имею честь препроводить к вам оную. Взываю ко всем добродетелям души вашей о скорой помощи. — Если бы я могла обнаружить пред вами все то, что отягчает и гнетет сердце мое, сострадательное сердце ваше само бы к облехчению судьбы моей подвигнулось; но страдать <нрзб.> горести свои есть долг многих; и так примите благосклонно молчание мое, слезы и неотступную мою к вам просьбу» (РГИА. Ф. 515. Оп. 7. № 11. Л. 31). В 1796 г. крестьяне (кроме одного дворового) были Хвостовой заложены Н. М. Походяшину, к которому в 1797 г. из-за невыплаты долга по залогу перешли права на них; между тем в 1802 г. Походяшин отказался от своих прав и разрешил Хвостовой продать крестьян в казну. Дело затягивалось; из документов о нем видно, что в его разрешении значительную роль сыграл А. Н. Оленин, в июне 1805 г. рекомендовавший казне приобрести крестьян не по 130 рублей за душу, как ходатайствовала просительница, а по 140; в итоге в 1807 г. они были приобретены по 180 р. за душу (Там же. Л. 98—99, 204—205).

3. [Исповедальный дневник А. П. Хвостовой за август 1817 г.]

Искупуйте время (*sic!* — А. К.), *яко дние лукавы суть.* Я сердечно хочу исправиться, чувствуя, что я век в суете, знаю, что я болтлива, легкомысленна, то есть движемыслима, так сказать, ибо с трудом могу остановиться на одной мысли, даже и на самой лучшей для сердца моего. Сверх того, я подвластна похоти очень, ибо всего хочу, что глаза видят, и слабость сия простирается даже на духовное и нравственное. От невоздержания языка часто говорю не точную правду, убавляя или увеличивая. Итак, я и лжива. Хочу исправиться, молю единого, всесвятого Господа моего Иисуса, в нем же не бысть <нрзб.> подать мне, убогой, свет разума своего и силу! Ей, Господи! услыши мя, помоги маловерию моему и сделай меня яко хочешь и можешь! — Аминь.

Погрешности мои[62]

Августа с 1 числа 1817.

Сегодня не болтала, следственно и не лгала, может быть, потому что была весь день одна,[63] но мысли носились, как безумные, из худого в хорошее, ничего не предопределя ни в том, ни в другом; следственно, от бытия сегодняшнего мне осталось только то, что я заметила в себе, что ловлю бабочек и сердечно о том вздыхала к Господу.

Похоть очес бросилась на кусок кисеи, на желание письменного столика.[64]

2-е число провела почти одна; занималась, читала, но мысли были движимы и, хотя пленялись Эккартсгаузеном, но едва могли на чем останавливаться. В вечеру собрались друзья, я слушала, но какая-то жидкость в мозгу моем делает меня неспокойною помнить подробно; одно сердце только принимает слышанное и удерживает лучше, нежели разум, но сердце мое так лукаво, могу ли когда в чем поверить ему?[65]

3-е число. Оскорбила двух бедных, жестко отказала им писать за них к знакомым; чувствовала боль и раздирание совести за злобу мою, и оттого тот же день дважды солгала себе приметно и несколько раз увеличивала и прибавляла — что тоже ложь. Боже, не остави меня и не презри самой себе ненавистную, подай мне свет свой

---

[62] Примечание на полях: *и раскаяние и, по силе немощи, исправление.*

[63] Примечание на полях: *Можно иногда и одной себе лгать.*

[64] Примечание на полях: *откажу себе в обоих; слава Богу на том; он, милосердый, помог мне и заметить даже мою похотливость.*

[65] Здесь в тексте добавлено: NB; на полях примечание: *А я бы Вам советовал слушаться одного только сердца, глядеть всегда в него, а с разумом хоть и совсем разума лишиться покуда; глядеть в сердце больше простым вниманием, нежели рассуждением.*

святый и клятвенную тьму мою прогони лучем благодати Твоея, о Иисусе! яко Ты есть упование мое!

До 9-го числа ни к чему не была способна, не было сил даже приняться за Св. Пис. по обыкновению; кости распадались, и все бытие, как воск, таяло. В нужде и бедности моей открылась ввечеру наставнику и брату; друг дал записочку, и я исполнила верно и усердно приказанное, ложась спать.

10-е число прошло все в суетах: с утра и целый день были гости,[66] и я едва могла найти часа два время привести на память записочку. Друг приказал покинуть все книги и начать Арндта. Исполню и всячески стараться буду о исправлении себя, сердечно призывая в помощь Господа Иисуса.

11-е число. Текст. К Кор. 2 посл. Гл. 6; ст. 16. Кая часть вернаго с неверным, то кое сложение церкви со идолы; вы бо есте церковь Бога живаго, яко же рече Бог (у Моис. 26 гл. ст. 12) Яко вселяя в них и похожду, и буду им Бог:[67] и тии будут мне людие; тем же изыдите от среды их и отучайтеся, глаголет Господь, и нечистот не прикасайтеся, и Аз прииму Вы.

Предмет.

И се завтра церковная раздрая и пр. и пр.

И сегодня пустые люди и пустые мысли тревожили меня и развлекали, но кажется, однако, что я поспокойнее духом, то есть способнее была, хоть и дурно и редко, но возвращаться в себя понемножку. Впрочем, все во мне, даже и я сама себе ложь и воображение.[68] Текст не выучила наизусть и о предмете дурно рассуждала, извиняя себя помехами, но и это ложь.[69]

12-ое

Текст. Тако глаголет Господь: Се Аз полагаю во основание Сиону камень многоценен, избран краеуголен, честен, во основание ему, и веруяй в он, не постыдится.[70]

Предмет

Рождество Предтечи

Я была у обедни, молила усердно Господа моего подать мне помощь от святыни своей;[71] ложась спать вчера и третьего дня, совести-

---

[66] Примечание на полях: *Какие гости могут помешать, когда мы сами в порядке и ограждены скромностью? Впрочем, это есть дело весьма уже успевших.*

[67] Примечание на полях: *Исаия и Иеремия и Апокал.*

[68] Здесь в тексте добавлено: NB; на полях примечание: *В этом все, как будто, согласны с Вами.*

[69] Примечание на полях: *Желательно, чтобы такие признания были всегда от сердца, а никогда от воображения и разума.*

[70] Примечание на полях: *Исаия Гл. 28 — ст. 16.*

[71] Примечание на полях: *Надо прежде самой совершенно изнемочь в борении, а потом просить о помощи. Как же Бога просить о помощи, сам с места не двигаясь.*

лась и упрекала лукавое сердце мое, что я отвернулась от обычая говеть в пост сей. Расспрашивала у Господа моего[72] и у себя самой, не новый ли это знак новой негодности во мне, ужасалась, что, может быть, исхождение сие есть падение во мне духа и одоление надо мною врага Божия, но, тосковав немного, подумала: ведь Иисус, мой Господь, видит и немощь мою, и желание: не Ему ли отдала я все себя навеки;[73] ну как он, милосердный, изволит, а мне, собственно, для себя какая надобность быть чем-нибудь; пусть я окаянница, лишь бы была Иисусова, а Он ведает, что я Его, всею волею Ему одному принадлежу;[74] Он за меня безгрешен, свят и непобедим, следственно, и я в Нем безопасна.[75] Помолясь, легла спать, и поутру пошла к обедне. Реша с собою и Господом моим разговор о говении, я и не думала более ни об чем, как любить Его, глядеть на него прилежно, сколько могу, по немощи моей и наблюдать наставление, данное мне земным другом моим.[76] За обедней сердце стало разогреваться: я почувствовала знакомое, но давно что-то неощущенное мною прикосновение Иисуса, божественного моего друга.[77] Запели Иже херувинскую, и я радостно бросила себя на алтарь всесожжения. Ну, друг мой и Господь, говорила я себе и Ему, сожги меня поскорее и приими в жертву благоволения — радостного удар умерщвления сладостного отвечал речи моей;[78] я умирала и воскресала под ножом небесным и восхитительным, меня заколающим. О, любве жестокая, венец всесвятой, непорочный, кроткий! Откуда в тебе коварное любление Твое? Для чего же Ты, о Иисусе, тут не совсем изжег меня на радостном алтаре заклания толь любезнаго? О, радость, жизнь, дыхание, любовь и печаль благороднейшей части бытия моего, хотя и нижняя, падшая, столь подла еще, столь тяжела, столь неподвижна. Ты знаешь то, о Иисусе Боже, желания моего, Ты знаешь, что я духом моим в Тебе живу,[79]

---

[72] Примечание на полях: *На это есть совесть. Мы должны со величайшим благоговением прибегать к Господу, да и то в самых крайностях, а не как бы в шутку и в забаву себе приступать к Нему.*

[73] Текст от *не ему ли* до *навеки* подчеркнут, в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Как бы желательно, чтобы вы изволили вникать в смысл употребляемых вами слов.*

[74] Текст от *Его всею* до *принадлежу* подчеркнут, в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Кажется, к словам* <u>*всею волею*</u> *гораздо справедливее присовокупить:* <u>*по воображению*</u> *и пр.*

[75] Примечание на полях: *Прекрасное заключение! О чем же больше и хлопотать!*

[76] Е. Г. Хиляевым.

[77] Здесь в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Поздравляю! Едва ли кто другой и верным слугою Его считает себя, а вы уже и в друзья попали. Так-то все делается, когда воображение дает патент.*

[78] Т. е. в прямом порядке слов: удар радостного сладостного умерщвления отвечал моей речи.

[79] Слова *Ты знаешь, что я духом моим в Тебе живу* подчеркнуты, на полях примечание: *Едва ли и знает в утвердительном смысле.*

Ты знаешь, что пришельствую здесь и борюсь с непокорным Тебе еще и бунтующим против Тебя и меня телом моим. Я не о себе, но о Тебе едином в себе стражду[80] и изнемогаю; право, мне не в силах уже бороться с собою. Вступись же Ты, о Боже мой, за Себя самого во мне. Ты победил смерть, о, Иисусе, ужели подлое и гноючее тело мое ожесточеннее и самого ада? Вступись за славу Твою, вступись за Твою и мою любовь, непрестанно поругаемую во мне. Иисусе, я вся Твоя, прогони же и во мне все то, что не Ты. Мне показалось точно, что Спаситель мой меня услышал, я чувствовала, что и я недостойною общницею была трапезы агнчей, и, возвратясь от обедни, вошла к себе в комнату, как колодник, которого водили по городу собирать милостыню, с деньгами, но в тюрьме, ибо ту минуту осыпали меня домашние стены тюремные. Собаку мою загрызли,[81] пришли горькие и бедные со слезами, а потом скучные с пустяками, и так от мира моего, от брака, от трапезы осталась только любовь и надежда — буди благословенно, сладчайшее исполнение желаниев вечного духа моего; о Иисусе, Ты блеснул, прикоснулся и исчез для тела моего чувственного, но там, там, где Ты живешь, бессмертная память моя, и там мы найдем некогда с Тобою то чувство, которым жили вместе и одним мгновенным дыханием за обедней сей святые сердца наши;[82] ибо я в Тебе чувствовала себя Тобою. Алилуя Тебе, Богу желаниев и любвей, Алилуя Тебе, о Иисусе Сыне Божий.

Пятница, утро

Сегодня узнала я, что я верно колодец бездонный, в котором, верно, кроются гадины нечистые, хотя я их и не вижу еще; во мне нет никаких добродетелей постоянных, потому что оне все нарисованы только во мне, но ни одной нет в сущности, потому что ни одной истинно никогда не растила. Зла в себе не вижу потому только, что оно лукавее меня самой и завивается в мою оплошность.[83] Вчера старалась ловить себя и узнала по крайней мере, что хотя весьма тяжело бегать за собою и догонять себя, но по крайней мере сие не невозможно. Стараться буду и сегодня, и всегда, ибо твердо предположила держать о Господе; но сил и света еще в себе не вижу и раза

---

[80] Слова от *Я не о себе* до *стражду* подчеркнуты, на полях примечание: *Полно, так ли?*

[81] Слова *Собаку мою загрызли* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *И это расстроило ту, которая во Христе только живет, о нем только борется и страдает? Ах, если б мы хоть понятие имели о жизни во Христе и страдании о Нем! Понятие существенное, сердечное, а не ветром в воображение наше вметаемое.*

[82] Слова *святые сердца наши* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вы, право, трепет на меня наводите. Помилуйте! Вникайте в слова ваши.*

[83] Здесь в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Нет, не потому, а потому что Вы верно изволите смотреть все из себя, а не в себя.*

два поймала себя, что засыпая физически, в себя оборачиваясь — писав сие, увидела в себе змейку, пришло на ум лукавства моего, что Егор Гаврилович[84] похвалит мою записку и даже и другим скажет, что я хорошо иду. Боже мой! Куда от себя деться, помоги, о, Иисусе!

Полдень. Оконча страницу, я опять в себя заглянула. Боже! какая там скорбь, тоска, бессилие, неспособность даже двинуться; между тем мысли вырывались поневоле; но я прилежно их отгоняла и внутрь себя оборачивалась. Наконец началась внутри меня молитва, дух плакал ко Господу и просил помощи у Иисуса. Тут пришло мне, не знаю точно — в ум или в сердце — как я много обязана тебе, друг мой, что ты раскрываешь во мне способность, которая была во мне мертвая. В то же время пришла на мысль досада некая на Алек..... Фед....,[85] для чего он прежде во мне не раскрыл этих способностей, но тут вдруг отвечало мне что-то, что благодетель мой не ты и что ты орудие только благодеяния; что ж до Ал..... Фед..... касается, это осуждение во мне есть гордость моя только. Сердце обрадовалось этой мысли, и я узнала в ней тот милый голос, который я отогнала от себя моею рассеяностью и самоспасением; мне так сделалось легко и так сильно в себе вдруг почувствовала, что немедленно зарекши всю себя торжественно навеки сладчайшему крестоносцу Иисусу и пути его крестному, как бы вскочилась с места души моей, чтобы за Ним следовать, но, о горесть! — движение сие было мгновенно, ибо лишь только я хотела схватиться за крест, я оборвалась и упала. Вот, где я теперь.

Вечер — еще хуже был дня; я не имела почти время заглянуть в себя. Нашли со всех сторон бедные. Во-первых, я от этого пришла в досаду,[86] во-вторых, вынужденная будучи помочь им, почувствовала, что считаюсь с собою деньгами, и так и гнев, и скупость во мне появились, а я считала, что во мне нет уже почти гнусных пороков. Что делать, Боже мой! Что делать посереди такой мерзости и самоневедения. О, Иисусе, един безгрешный в теле греховном моем обитающий, пробейся Твоею силою сквозь меня, прокаженную. Ты теперь сошел в ад души моей, изведи душу мою воскресением Твоим из темницы моей исповедаться имени Твоему.

Я ничего сегодня не читала и ни к чему охоты не имела; что это значит?[87] Сегодня Бемов день, но и глядеть на него не хочется. Трепетание сердца и сегодня показывалось при возвращении в себя.

---

[84] Здесь в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Чувствительно благодарю за откровенность, подлинно честную.*

[85] А. Ф. Лабзина.

[86] Слова *пришла в досаду* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вот уж из И. Х. и в досаду пожаловали.*

[87] Примечание на полях: *Причина всему этому в Вас, следственно Вам же и поглядеть в себя.*

Суббота утро. Внутренний разговор начался концем разговора вчерашнего. Я спросила, отчего во мне такие противоречия и как, получа такие великие милости Господни, каково то милосердое прощение грехов, которое во мне только память болезненная нанесенных мною Богу моему оскорблениев, я так не исправлена, так разделенна, и корень всего седмиглавного змия ношу в себе: вот что я в себе открыла. Я вся прелюбодеица, прелюбодеяна была телом, прелюбодеяна душою, прелюбодеяна духом. Прелюбодейство сие — главный порок мой, и в нем и из него все прочие змеи питаются, когда Спаситель простил, так милостиво карая грешницу, на путь истинный любовною ее греховностью нападшую, Спаситель простил ей прелюбодеяние телесное, и Евангелие, останавливаясь торжественно на отпущение греха ея, то есть любви ложной, в истинную любовь вместившуюся, скользит на остальное ее исправление и не упоминает, каким образом изгнаны из нея седмь бесов; и во мне Господь отпустил[88] милосердием своим отступление от любви телесной, и потому я жалею и радуюсь, что была такая грешница. Но правда Его требует, чтоб я разрешилась и от прелюбодеяния и других двух товарищей моих, а потому мне показывают теперь ежечасные прелюбодеяния души моей, дабы я способною сделалась вглядываться в прелюбодеяния духа моего и наконец вынести полноту света истинного. — Теперешний переход мой всех переходов труднейший, ибо душа в существе своем и окромя моей подлости прелюбодеица древняя. Спаситель мой Милосердый сорвал[89] с меня из милосердия вечнаго телесную скверну греховную, но одежда души моей от моего только содействия и внимания мне выработаться может. Помогайте мне, друзья мои, а мне кажется, что я в другом смысле сказать могу от всей души моей: *готово сердце мое Божие, готово сердце мне.* — Здесь представился мне живо процесс перехода моего из тела в душу; мне кажется, что мне легче, чем тогда было, хотя теперь мне так же совестно разделенное мое, как тогда греховное мое телесное состояние. Но тут еще странность выходит: тогда все за меня *милосердие* делало, а здесь я сама должна выработывать, чтоб из души моей прелюбодеянной выступить; и так мне, с другой стороны, тяжелее. Разрешитель, всесвятый Господи Иисусе, помоги мне, бедной твари твоей, посреди обилия щедрот твоих, в нищете моей изнемогающей,[90] дай мне новые очи духа глядеть прилежнее в душу мою. Я всего в себе боюсь, ибо вижу, что я сама для себя воображение.

---

[88] Слово *отпустил* подчеркнуто, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Сделайте милость, будьте поосторожнее в словах и мыслях. И других случаев весьма много, чтобы прославлять милосердие Божие, а подобные пусть послужат к прославлению долготерпения Его.*

[89] Слово *сорвал* подчеркнуто, добавлено: *NB*; на полях примечание: *То же.*

[90] Примечание на полях: *Вот это дело. Дай Бог, чтоб это выходило из сердца и вкоренилось в нем.*

Хотя Спаситель мой изрек телу моему: отпустятся тебе грехи твои,[91] но мне кажется, что мне прощены только те грехи, о которых я прибегала к его милосердию, ибо греховное мое тогдашнее состояние, муча совесть мою, не позволяло мне рассмотреть, что во мне множество и других мерзостей скрылось. Теперь я вижу, что злое дерево милосердием уничтожено, что спасительное сие посечение как бы самое меня от земли проклятия приподняло, но отпрыски злого дерева, о которых я не умолила в неведении, достигают до меня, где я есть, и, как гады, входят в душу мою, они не в духе души моей, но как бы в теле ее, ибо умные очи духа[92] мне их показывают, благодаря Спасителю, ибо один Он может и мог позволить мне видеть сие. Помогай почаще мне, о Иисусе, сила моя и Бог мой.

Полдень. Еще новая нить к самопознанию; мне увиделось вот что: я была в младенчестве моем чрезвычайно зла и упряма, кусалась няню мою и потом бросалась на пол, уверяя, что она меня прибила, следственно все свойства ада были во мне с младенчества. Милующая меня десница не хотела меня оставить в пропасти, но от злобы перевести не могла в любовь, иначе как прожив, так сказать, через любовь скотскую, к аду более, нежели к раю прикосновенную, — скотская любовь перетопила во мне злобу адскую, и так самый грех мой было орудие милосердия милующего, а потому отпущение[93] во мне спасительного орудия моего очищения есть правда Божия,[94] и оттого, без всякой над собой работы, иной как любви, получила я разрешение от Того, кому единому и честь, и слава победы, и вечное поклонение подобает в века.

Та же пятница[95]

Отправя к тебе, друг мой, журнал мой, я ходила по комнате, как сумасшедшая, бросалась в ноги Спасителю моему милосердому и понимала, как ангелы поют: свят, свят, свят. Агнец Божий, от века и на моем кресте пригвожденный, слава Тебе! Я бросилась пред распятием молиться, и мне велено было дважды пасть ниц, восклицая трижды: Аллилуя. Я, исполня от души моей приказание, спросила, для чего дважды, а не более поклониться мне велено, мне сказали: раз за ангелов (или ангела) и раз за человеков (или человека) — не вслушалась от радости. Я спросила: какое ж во мне сердце Иисусо-

---

[91] Примечание на полях: *Сделайте милость, объясните, из чего вы это взяли.*

[92] Слова *умные очи духа* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вот, уже в вас и очи духа открылись!*

[93] Слово *отпущение* подчеркнуто, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Опять!*

[94] Примечание на полях: *Признаюсь, что чем внимательнее читаю записки сии, чем более я об них думаю, тем недовольнее состоянием вашим, ибо все доказывает, что они почти совсем суть плоды одного только воображения и рассеянности, весьма опасных.*

[95] Так в подлиннике. Следует читать: «суббота».

во? (ибо я не умела иначе выразить мысль мою). Мне отвечали: то, которое он имел по воскресении тогда, как вывел души праотцев из темницы. Теперь я поняла тотчас, что и передний ум наш — ум Христов, но тут остановили меня и не позволили идти далее. Я спросила: этим ли сердцем я люблю друзей моих? Мне отвечали, что всякое другое сердце есть ненависть. Я так устала от чувства моего, что сон клонит меня, но вспомнила сон адамов и испугалась засыпания моего. Сяду читать, ибо падаю от сна.

Лишь только было я расположилась блаженствовать, как вдруг скорбный какой-то голос внутри возопил псалом: *Боже, Боже мой, вскую мя оставил еси, далее от спасения моего словеса грехопадения моего.* Я изумилась, и хотя внутри глубины мирно, но поверхность души встревожена. Боже мой, что это значит? Не все ли это мечта? Я изумляюсь, и сон более еще клонит, но сон адамов все представляется; не хочу думать о себе, а примусь за Евангелие.

Евангелие открылось на Марка последние две главы — слова Спасителя на кресте: *Боже, Боже мой вскую оставил мя* — сии отдались в сердце моем. Я как бы почувствовала, что вся эта глава ко мне относится и для того мне раскрылась. *Сниди со креста* — также ко мне приложилось; потом непременно велено было читать и следующую главу. Я почувствовала, что камень, о котором думали мироносицы, была та тяжесть, которую перед этим чувствовали, и что Ангел Господень показывает мне, что он отвален от гроба. Тут как-то я сама перенеслась будто в воскресшего Господа и как бы с ним воскресла, потом при слове Спасителя: *идите проповедуйте* — опять из него перешла в апостолов духом и слушала, как бы мне самой говорил Он свои приказания. Боже мой! Я всегда слышала в себе голос сей: «*шедше, проповедуйте*», но боялась обмана в себе — и своего, и лукавого; теперь снова то же чувство нахожу в себе — *шедше, проповедуйте.* Что заключить из сего и чему верить?

Воскресение. Вчерашний день прошел незначителен по духовному, то есть ощутительного мне во мне ничего не было чрезвычайного, утро у меня по хозяйству прошло в хлопотах, ибо у меня чистили, мыли и красили, отчего мне ни подумать, ни приютиться было негде. После обеда во мне было так тихо и мирно, как Нева в погоду прекрасную; на дне тишины этой была сладкая аллилуя, которая одна сквозь воду просветливалась. Ни видения, ни знания, ни желания даже никакого не было; однако я точно жила — вверху. Пришли братья: Чиляев и Прянишников, и разговоры наши были единомышленников.

Сегодня проснулась я с тою мыслью, что ты вчера, друг мой, требовал ответа на вопрос: что есть крест Господень? Но как удивилась я, как спросясь с собою я увидела, что я придумать не могла ничего, ибо совсем креста не понимала. Вот я стала складывать его в себе, Крест Господень, говорила я себе, есть отец и сын, и это так сказали мне во мне, но это не то еще. Я думала, думала, строила,

спрашивала, но все мои затеи, как карточный домик, свевали мгновенно, и я решилась просто признаться в моем невежестве, что мне было досадно. В таком расположении я стала одеваться к обедне, вдруг, как это было, не могу осязать, ниже памятью, у меня вдруг спросили: что такое кровь Господня? и в ту минуту кровь всесвятая искупителя моего как бы облила меня чувствительно от головы до сердца. Я вдруг поняла все то, что об ней, не понимая, говорила и думала. Чувство это так живо предстало мне во внутренности глубин моей, что я издыхала, увидя ясно, что и прощение, и искупление, и любовь моя не что иное, как ощущаемая мною и как бы новым чувством точно осязаемая, обоняемая, видимая и вкушаемая мною кровь Господня. Тут я узнала, что крест тот, о котором я говорила в журнале моем, составлен из моего праха и Его крови, ибо я ясно чувствовала в себе, что кровь Спасителева точно любовь и что любовь моя точно Его кровь. Тут все способы размышления исчезли во мне в каком-то благобытии, из которого я не могла и не хотела выступить. Здесь хотела я сказать, что я понимаю, отчего апостолы уснули в Преображение Господне, но мне сказали: погоди, ты это еще не знаешь.

ИРЛИ. 32543/CCXLVIб 28. Л. 1—9.

Дневник составлялся А. П. Хвостовой, по ее собственному указанию, под руководством Е. Г. Хиляева и предназначался для прочтения им и, возможно, А. Ф. Лабзиным. На полях Е. Г. Хиляевым оставлены примечания к прочитанному тексту. Находится в составе бумаг А. Ф. Лабзина. По-видимому, непосредственно связан с «Замечаниями моими обо мне самой» (№ 3), однако сложно сказать, какой из текстов написан ранее.

4. Замечания мои обо мне самой

Я люблю Господа Иисуса и, всеми чувствами моими предаваясь Его святой воле[96] безусловно, безнаградно и единственно, чтоб Ему быть угодной, желаю идти по пути крестному за ним не столько, чтоб получить награду царствия Его или узрить лице Его или узнать тайны царствия Божия, но чтоб тем исполнить волю Его и мое назначение; следственно, как, когда и чем я спастись могу, суть только орудия желания моего, которые я оставляю в руках Господа моего, зная, что Он более еще меня спастись мне желает.

---

[96] На полях примечание: *Т. е. вы желали бы всеми чувствами вашими предаваться Его святой воле. Вы бы, конечно, правильно сказали: Я бы желала предаваться и проч., но даже и тут спросили бы Вас, каково сие желание, истинное ли оно или ложное, в одном только воображении состоящее.* Ср. далее ироническое обыгрывание Хиляевым этого выражения Хвостовой (прим. 97, 101, 105, 106, 110).

Бывало, я могла любить почти всякого: сердце мое летело ко всякому лицу человеческому, особливо, если казался он мне добр и любезен; теперь я не имею способности и пристращаться, и так радостно любить всех как будто нечем;[97] напротив, хотя я всем добра желаю и всякому рада быть полезна, но люди, то есть и самых домашних моих, и даже питомицу мою не исключая, мне в тягость, и без лучших друзей моих, кажется, я могла бы обойтись свободно, если б они не о Господе моем говорили со мною, и потому и я спокойнее с ними по мере как и они спокойны и теплы.

Когда я спокойна, то есть одна, я ничего иногда, даже и по большей части, не делаю. Не подумайте, чтоб я думала или размышляла, нет, это редко со мной бывает; я могу только ощутить от состояния этого то одно, что мне хорошо. До встречи моей с Егором Гаврил..... я была часто тревожима разной фантасмагорией, которая, как движущиеся картины дурацкие, проходили чрез мое воображение, меня это еще хуже гостей тревожило. Благодаря друга моего за наставление, я набрела опять на способ мира с собой,[98] которого лишилась, следуя рецептам писателей разных, которых я, видно, криво перетолковала.

Когда я возвращаюсь в себя, я всегда почти чувствую трепетание какое-то в сердце, как бы встретил меня кто или бы сама кого увидела, но ничего не вижу в себе, кроме спокойствия. Боже мой! сжалься над моим ожесточением! Когда я вижу пороки мои, которые милосердователь мой урок за уроком видимо мне показывает, я сперва оскорблюсь много, иногда всплакну даже, но движение сие маловременно. Вместо того чтоб мне разболеться от обличения, я скоро опять впадаю[99] в какое-то покойное положение, перестаю сокрушаться и, как бы брося на Господина моего о мне попечение, снова люблю и покоюсь.

Во мне какое-то дурашечное свойство,[100] на юродство похожее; я по мысли и сердцу такой глупый ребенок, как была 45 лет тому назад. Я иногда упрямлюсь, иногда бы, право, и в куклы поиграла;[101] все может меня радовать,[102] хотя и тотчас наскучит; сие дураче-

---

[97] На полях примечание: *А говорите, что всеми чувствами преданы Иисусу!*

[98] Слова *мира с собой* подчеркнуты; в тексте отметка: *NB*; на полях примечание: *Убегайте мира с собою; хорошего мира лучше худая брань с собою. Мириться — значит потакать себе, уже сами того не замечая.*

[99] На полях примечание: *Брося на Иисуса попечение, снова возвращаюсь назад и делаю опять то же да то же.*

[100] На полях примечание: *Страшно и помыслить, что поэтому надобно еще взрости, потом переродиться. Но скоро ли еще возрастет?*

[101] Слова *куклы поиграла* подчеркнуты; в тексте поставлено: *NB*; на полях примечание: *Вот что значит предаваться Иисусу всеми чувствами!*

[102] Слова *все ... радовать* подчеркнуты; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Так страждут о Христе, как то Вы изволите говорить выше!*

ство находит на меня, если я беспрепятственно могла быть до сыта спокойна;[103] тогда я сделаюсь весела, что иначе редко со мной бывает, хотя я, впрочем, редко и недолго бываю печальна, и то, когда снаружи что набредет на меня. Я почти не в силах обладать собою, кой час какой-нибудь посторонний случай меня из меня вытолкнет,[104] а случай сей — всякое новое лицо, всякое новое место или положение; тогда я, как те куклы на пружинах, которые стоит только толкнуть, чтоб они по комнате поехали, мчусь против воли,[105] стражду насильственным влечением, но остановиться почти не в силах, а собрать себя в это время и войти в обычный покой без труда, сна и уединения никак не могу.

Я ко всему довольно равнодушна; пища и питье для меня — все одно на другое похожи; кажется также, и люди, и вещи как бы все равны, но я падка на похоть очес, мне все скоро полюбится и всегда все надобно;[106] кой же час получила — наскучит,[107] и останется во мне только раскаяние о моей суетности.

Раскаяние во мне какое-то сонное и, бывало, я могла плакать и горько плакать о грехах моих или плакать также от нетерпимости прикосновениев любви всесвятой; теперь и покаяние мое есть сожаление какое-то, как будто сладостное; на это чувство я слов не имею, ибо оно ни на что мне известное и одним словом выраженное — не похоже. В раскаянии сем как будто два человека вдруг: один жалуется, другой утешает;[108] и скорбно тут, и успокоительно; сердце заболит, но как будто то же сердце за другое зацепляется и от него успокоивается, и потому я вижу скверну мою, но не могу себя ненавидеть по другой, какой-то одобрительной причине,[109] как бы не мое это было и как бы и сама себе я чужая, а потому, кажется, не более люблю и думаю о себе, как о другом, то есть и я себе, как другие мне, не надобна и скучна.

---

[103] На полях примечание: *Старайтесь никогда не выходить из сего спокойствия или по крайней мере, вышед из него, тотчас возвращаться в него.*

[104] На полях примечание: *Надо беспрестанно бдеть за собою, чтоб из себя не вытолкаться.*

[105] На полях примечание: *Но Вы ли виноваты, когда совсем святой воле Иисуса преданы?*

[106] На полях примечание: *Не кажется ли Вам, что это потому, что Вы святой воле И. Х. преданы, чего доброго?*

[107] Слова *получила — наскучит* подчеркнуты; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вот прекрасный урок для тех, кои не дают воли воображению!*

[108] Слово *утешает* подчеркнуто; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Как то он утешает? Истинный Утешитель, кажется, утешает только уничижением духа и сокрушением сердца.*

[109] Слово *причинам* подчеркнуто; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Смело могу сказать, что Вы не только не знаете себя, т. е. что именно значит себя, но и посредственного даже понятия о том не имеете.*

Я чрезвычайно ленива — люблю спать, а не менее, если не удержу себя иногда, то деятельна до изнеможения — как согласить это?[110] — Если я высплюсь, тогда внутренние мои силы лучше и бодрее, но, может быть,[111] и сие во мне также ложь и воображение.

Я совсем беспамятна, и из целой книги или из разговора длинного запомню только то, что упадет в сердце мое; тогда это слово или мысль разродит во мне другое.[112] Я от себя не могу писать, ибо совсем не способна рассматривать вещи, и даже на каком-нибудь мысленном предмете не могу остановливаться; но вдруг, иногда ночью даже, придет на меня какая-то чреватость сердца, которую мне непременно тотчас надо бросить на бумагу, хотя иногда в двух разных мыслях никакой, по-видимому, связи нет. Это так повелительно, что я не могу уснуть, пока не исполню. Вот как родились «Советы душе моей», «О трех молчаниях» и прочее.

Когда мне придет тоска на писанье, тогда придет мне жажда и читать, как бы для поверки, что то, что мне дается, и другими писателями сказано.[113]

ИРЛИ. 32543/CCXLVIб 28. Л. 11—14.

«Замечания» написаны на той же бумаге и снабжены примечаниями Е. Г. Хиляева того же свойства, что и дневник за август 1817 г. (№ 3). Указание на сочинение Хвостовой «Советы души моей» (СПб., 1816) указывает, что «Замечания» были созданы не ранее 1816 г.

5. Письмо А. Ф. Лабзину от 13 июля 1819 г.

Я получила радостно, неоцененный друг, неоцененное письмо твое и благословение на начатое дело. Всегда, когда ты хотя мало доволен мною, в душе моей раздается мирная гармония ангельская. Боже, благослови тебя за благословение, а мне даруй не препятствовать самоволием истечениям благословений сих. Сердце мое отвечало Аминь на все, тобою в письме изложенное. Устрой нас,

---

[110] На полях примечание: *Предать ея святой воле И. Христа.*

[111] Слова *может быть* подчеркнуты; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *В таком случае* <u>*может быть*</u> *значит:* <u>*пишу, как попало*</u>. *Нет, надо быть повнимательнее.*

[112] На полях примечание: *Кажется, Вы хотели сказать, что Вы не помните, из каких книг именно бывают мысли Вами заимствованы.*

[113] В конце текста добавлено: *NB*; на полях примечание: *Не только другим, но и самому себе может человек казаться добрым и просвещенным; но* <u>*казаться*</u> *не есть еще* <u>*быть*</u>, *а часто* <u>*не быть*</u>. *Наше дело:* <u>*быть*</u>, <u>*действительно быть*</u>, *а потому и необходимо должно всегда поверять мнения чужие и наши о нас самих с настоящим* <u>*бытием*</u> *нашим, помня всегда и ставя себе за непременное правило* <u>*быть*</u>, *а не* <u>*казаться*</u>, *хотя бы и себе самому.*

Господи, частно в работники Твои, а потом соедини частных в общее дело начинающейся брани великой, дабы в радостной победе света и мы — убогие — встретили Тебя грядущего за подвигнувшимися уже твоими небесными силами.

Из полученной уже, я думаю, тетради моей с Вахр[ушевым] ты предусмотришь, друг мой, что я, не получа еще приказания твоего, отправила оную. Я осмелилась переменить немного ход дела, поставя *преждевременно* нечто о молитве единственно для тех, которые в отдаленности лишены руководительной помощи. Я и на себе прежде знакомства моего с тобою испытала, что покаянная молитва совестящагося грешника, хотя и не познанная еще сила, но способствует много к отверзению душе сил благодати, в нее прорывающейся; впрочем, вторая статья дополнит наставления о молитве, которые в первой предварительно только наброшены; и я (как, кажется, и должно) начинаю оной 2-ю тетрадь мою; потом иду по ходу Еван[гелия] от Мат[фея] блаженствами, делами милосердия и пр. Окончить хочется мне извлечением прекраснаго Mm Guion объяснения о разных состояниях смерти и разрушения, дабы третью начать воскресением. Я признаюсь, что я недовольна и первой статьею, чувствую, что недостает чего-то, и знаю, что это нечто — твой дух, которого и мой ожидает, как мертвые кости Езекиловы. — Из б[ратьев] по сю пору только еще любезного Егора Гав[риловича Хиляева] видела, но не сомневаясь в любви и прочих столбов, не по[нрзб.] меня по братскому ко мне милосердию. Ах, как восхитило меня письмо благословенной сестры Власовой! Вот каковы сердца женские! Много ли мужчин влететь так свободно могут, и откуда и долго ли летела? Но все это принадлежит к феноменам любви, а любовь что? Жена силы. Но вот феномена сего плоды. О, Господи! Будь благословен в действиях и воздействиях Твоей всесвятой силы!

Я получила письмо твое с приглашением Марьи Сергеевнино в то самое время, как через добрых людей получила известие, что на меня подана новая просьба от кредиторов мужа моего. Государь приказал разобрать дело совестнаго суда общему Сенату, и дело взяло такой тяжелый оборот, что я не только полученной мною собственности моей, но даже и дома лишиться должна буду, ибо должно будет взнести все 52 000 р. Признаюсь, что несправедливость такая в некоторое ослабление привела было душу мою; письмо Мар. Серг., как электрическая сила, прикоснулось к жизни моей, и я воспрянула сама, как от сна, вспомня благословенную мою бедность предо мною; вспомнила, как живала я птичкою Божией, накормленною и согреваемою ежедневно отеческим милосердием. Неблагодарное сердце мое, отолстевшее от мирского счастья, почувствовало, что точно я заслуживаю лишиться того, что не всегда во славу Божию употребляла; я увидела, что я забывала Бога и по отеческому Его милосердию крестною радостью почувствовала, что если я, недостойная, переставала быть гадом всесвятого Господа моего, Бог мой

и Спас не перестал быть отцем моим. Буди благословен в судьбах правды Твоей, благословенный и истинно всесвятый Господь мой и Бог, Слава Тебе! Человеку, входя в мерзкую совесть свою, не остается, подлинно, ничего иного, как всеми разумными силами, а паче всего сердцем своим, кричать в восторге: свят, свят, свят Господь Бог наш, и все путие Его — милость и суд; вот, по крайней мере, то, что весь состав мой исповедует теперь под грозящим мне благословением исправления. — Все теперь хлопочут обо мне, и мне совестно двигаться из-под наказующей меня руки благословенной; больно даже и то, что по неволе думаю иногда о всем, со мною случиться могущем, и борюсь более с моим маловерием, нежели с сенатскими притеснениями. Помолись о мне, неоцененный друг мой, и подкрепи мое маловерие; мне скорбно и совестно, когда при напоминании о деле сем я ощущаю смущение тварное; куда деться с этой скотиной, ревущей при мысли о корме? О, Боже, милостив будь к душе, Твоей кровью искупленной, и не допусти меня, как Навуходоносора, ходить на четвереньках и есть корм скотский.

Чтоб вытесниться из духа мира, буду прилежнее работать тетради мои и молить Спасителя моего сладчайшаго дать мне силу *творить* то, чему учу и учусь. — Пифагорейцев мы читали общим вниманием; прекрасной план, но в нынешное ли чугунное время затевать такие аркадские замыслы. Я понимаю, что отчасти только и ты, неоцененной, желаешь, чтоб мы приноровились к плану сему, но, обозря и что мы, и кто мы, и где мы, я разве в двух или трех от нас найду дух тот единства любви и истиннаго желания усовершенствования, каков одушевлял Пиф[агорейское] общество. Души наши слишком мелки еще для вмещения такого небесного чертежа, и *я* (так! — *А. К.*) каждаго из нас так живо и действующе еще в нас, что самому Господу нашему невозможно поверить нам дела своего. Помолимся все и друг о друге, благодетель мой, да изготовит Господь нам сердца новые, к дарованиям его способные, — искание духа нашего доказательство нам, что мы одни виноваты, если сей задаток дара в нас пройдет мимо, в род ин и на людей, Его же имя не слышали доселе. Силы небесные подвигаются, и влияние духа, и до нас достигающее, доказывает нам, что силы сии и дух, движущийся уже, ищет места, идеже почить. О, горе нам, если минет нас благословение сие! Друг мой и брат и по-родитель, к тебе жалующаяся на себя душа моя вместе всех нас совокупно вопияет [нрзб.]. Братие единокровные, не преогорчим долее милостивого благодетеля всесвятого, принудя его избирать новый язык и новое племя. Начнем сперва, подлинно, как ты говоришь, любить друг друга наитеснейшею, из Бога почерпаемою любовью, ибо мы доселе не так, как самих себя, любим друг друга, но чужды сердцами любви истинной и, любя во всем только самих себя, ниже понятия о святой любви не имеем. Будем просить любви сей у Господа нашего и, начав *снова, с задов*, перетверживать будем оные, ибо, право, что мы знаем, то не

так еще познаем, если потрудимся начать с корня и азбуки. — Мне нужна была Mme Guion, и я писала к Катер[ине] Филип[овне Татариновой], чтобы получить оную, но она очень больна и совсем никого не принимает. Книги мне прислала, обещав отвечать на письмо мое, но и ответа еще никакого не было. Александра Нико[лаевна Ланская] сегодня в Ригу отправилась, обоим вам кланяется и обоих объемлет.

Не разсудишь ли за благо, любезный неоцененник, чтоб я в тетрадях к одним только женщинам адресовалась. Глядя на себя, мне и кого-нибудь учить совестно, а мужчин и того боле(?). Как о сем прикажешь? — Алфав[ит] духовный достала и очень довольна находкой сей. Странно, что так мало известна прекрасная сия книжка, ибо подлинно и она — это един от нас.

В рассуждении кельи моей, она так удобна и так уединенна, что я совсем не только от мира, но даже от собственного семейства моего отрезана. Ход совсем особенный — с двора, и, затворя только двери, можно думать, что ни у меня никого нет, ни самой нет дома; но комнаты маленькие, и в гостиной моей не более десяти человек свободно усядется. Впрочем, даруй, Господи, и десяти добрым друзьям собраться во имя Господне.

Меня начали уже мучить бумагами по делу. Боже мой, сохрани меня только в путях твоих, а прочее все радостно предаю в руце твои. Теперь завязка дела в том состоит, подлинно ли за Дм[итрием] Сем[еновичем Хвостовым — мужем Х.] заложена была деревня моя. Свидетель тому Ник. Макс. Походяшин, который один только остался живым с 1797-го, как деревня моя заложена ему. Если за благо рассудишь, напиши к нему, друг мой, чтоб он прислал мне какое-нибудь письменное в том уверение и вывел бы исторически все сие так известное ему дело. Впрочем, прошу от дружбы твоей наблюдать: здесь только воля Божия, ибо мне не гнев отчий, наказующий меня праведно, болезнен в деле сем, но та мерзость моя, которая гнев сей праведный на меня подвинула. Я скажу тебе, что я имею в руках верное доказательство, что моя точно за Дм. Сем. заложена и просрочена; доказательство сие — письмо свекра моего, истину сего подтверждающее. Но в письме сем свекор так порицает мужа моего и такие тайные болезни на него объявляет, что письмо сие посрамит Дм. Сем. перед Сенатом, Государем и публикою. В то ли время, как я сама под отяготевшею надо мною праведною рукою Божиею признаю и радостно благословляю правду Его, в то ли время мне губить орудие его исправления? Вот мое положение, неоцененный друг мой; я не успехом или потерею дела моего тревожима. Буди благословен Господь Бог мой, прежние радости и мир бедности моей мне напоминающий; меня тормошат бумагами, разговорами тяжебными и отрывают от работы драгоценнее имения (т. е. отрывают от работы, которая для души моей драгоценнее моего имения. — *А. К.*) душе моей — вот что меня смущает и надоедает мне. Впрочем, и в этом случае буди, как во всем, благословенная

и тетрадей моих драгоценнейшая воля Христа Спасителя моего, которому все себя повергаю как создание, как искупленница его, а паче как неблагодарное творение грешное, славящее и восхищающееся красотою неоглядимой правды толико святой, на мне совершающейся. Ах, друг мой, как восхитительны *оправдания Господни*! подлинно *радости крестные*, такая тайна восхитительная, которую нельзя чувствовать, не поднявшись от земли всем бытием своим. Ей! Истинны слова Господа нашего крестоносца Иисуса. Когда Он возносится, истинно весь остаток бытия так влечет за собою, что упасть снова на землю и найти потерянное на время бытие свое гораздо болезненнее пригвождения ко кресту бедствием!! Буди благословен!!! буди, буди!!

ИРЛИ 32607/CCXLVIIIб 7. Л. 23—25.

Вторая часть письма, обращенная к А. Е. Лабзиной, не публикуется. Письмо сохранилось в бумагах А. Ф. Лабзина. В начале письма упоминается сочинение Хвостовой, план которого она более подробно описывает в письме от 15 июня: «Ты помнишь, что я начала составление (?) Ключа тоски по оте[честву]. Теперь раскрылось мне обширное дело, все бытие мое оживляющее. Мне повелелось в душе моей начать свод всего хода спасения, из разных авторов и из того, что и мне туне пожаловано. Ходом дела сего неотменно образцем послужит мне единственный ход дела Божия. Вот как я думаю повести сие дело, ожидая твоего, друг мой, на оное благословения и совета. — Мне хочется разделить свод сей на три статьи. В первой будут правила для покаяния и очищения сердца и разума. Вторая статья заключать в себе будет способы и наставления к замещению добродетели, сердце и разум, от пороков очищенные. Третья статья принадлежать будет к откровению Сына Божьяго и света его в душах наших. Так как я пишу через департамент, ты отгадаешь мною недоговоренного. Правила сии будут, так как они из разных авторов извлечены, в коротеньких строчках для лучшего впечатления в памяти оных. Для первой статьи я изберу отвсюды; — для второй ограничу себя только теми любезными нам авторами, которые знали дело Божие и истинной ход онаго. В третью помещу из тех же авторов, прибавя к оным еще некоторых важнейших, силу и славу, и близость света Христова к нам исповедующих. — Я почти сделала уже вступление, которое и доставлю тебе на рассмотрение, друг мой, — а общий ход дела сего почерпну из Тоски по оте[честву] и Ночей Ек<картсгаузена>, ибо не знаю ничего лучшего. — Помоги мне, друг мой, в деле сем твоим наставлением и советом. Я изнемогаю, чувственным разумом обнимая святость и обширность намерения сего <...>. Начерти мне ход повернее, ибо ошибаться и для меня одной непростительно, а я вся с ног до головы ошибка сама себе» (Л. 16 об.—17). Сочинение это, как видно, осталось незавершенным.

В этом же письме, впервые в своих письмах к Лабзину, Хвостова упоминает о переданном в Сенат деле об имуществе своего мужа. Не вполне внятные указания из последующих писем являются между тем наиболее фактически наполненными ее упоминаниями о разрыве с ним: «Я не подивлюсь суду мира, я всей строгости оного достойна по безумию моему. Но точно так, как (хотя и говорят добрые люди что) Мимиша не мое дитя, как бы люди ни уверялись в том, так точно я не участвовала в долгах мужа моего. У Мимиши своя мать была, а у концертов, которыми упрекают меня, свой отец и хозяин, Собакин, который, дабы не одному петь с оркестром, привозил и себя, и учителя своего, и оркестр ко мне для репетиции и привычки петь с оным. Может быть, и прочие доводы так же: Мимиша и концерты; впрочем, благо мне, что смирил меня, но, не пеняя и не оскорбляясь злоречием, одно только скажу, что в бесчисленном множестве безумий моих мирских я всего стою, окроме ненависти и подозрения, ибо неприятели мои не уличат меня ни в каком подлом деле. Что касается до употребления имения моего, я не знаю, кто мне свои. Естли Дм. Сем., то я не в праве ни против воли его помогать ему, ни отнимать у кого-либо что на его шалости. Что касается до моих собственных родных, то есть братьев и сестер моих, каждый из них имеет почти столько же дохода, сколько я капитала. Итак, и тут никто не сможет у[п]рекнуть меня в пристрастии, ибо я никого не обидела и ни у кого ничего не отняла» (Л. 33—34 об.). Из всех известных сведений о скандале вокруг Хвостовой и ее мужа известно, что он разразился именно при разделе имущества. К сожалению, ни время, ни обстоятельства его неизвестны: во всех прочих случаях Хвостова значительно менее конкретна (ср. в письме к Ю. Н. Бартеневу: «Я <…> принуждена была против воли моей спасти <…> погибающаго мужа моего <…>. Решилась подвергнуться несправедливостям мира, с общаго согласия благомыслящих родных его, решилась одеться в тряпицы судейския. Остановила гибель; сохранила имение мужу, ценою — доброго моего имени. Подвергнулась пересудам, кривотолкам мира, но все переносила под одобрением совести моей. — Муж мой бедный, подстрекаем самолюбием и друзьями ложными, выгнал меня из дома, заставил терпеть все нужды, все бедствия души и тела» — ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 6. Л. 124 об.—125).

6. Письмо Ю. Н. Бартеневу от 24 сентября 1839 г.

Что ты наделал, мой милый проказник! Показал письмо об деньгах Гельм[ану], а тот не только отобрал у нее [А. Гельман, воспитанницы Хвостовой] деньги и промотал, но в добавку запретил ей и писать ко мне; суди об ее и моем горе! Я об ней с тех пор ничего не знаю, а она боится его, как лешего. Теперь уже не до церемоний. Бед-

ный мой ангелочек погиб, и на душе моей бременем лежит, что я, желая спасти ее, может быть, погубила. Бывают в человеке черты непохвальные, но тогда есть еще надежда, что время и беседа почтенных людей изгладят неправильность. Но бывают в людях резкие оттенки зла, которые, как нечистые чады, по временам только высовывают из норы жало, ожидая только случая показать, кто они; и таковы суть ярость, деспотизм и бесчеловечный эгоизм, жертвующий всем священным для удовлетворения страстей, и вот характер Гельм[ана]. Когда он сватался, он скрывался под личиною. Меня предупредили, что он игрок; но страшные пред Богом им произнесенные клятвы и мысль, что новая жизнь семейная образумить должна человека, не лишенного смысла здравого, решили судьбу бедной Саши моей. Я вручила ему присланный тобою билет 3 т. и отдала последнюю мою лепту на покупку ей домика, как он уверял меня. Но не прошло трех месяцев, как я увидела, что дом не делается, а деньги уходят. Одним словом, не только деньги исчезли и проиграны, но даже все, что я дала Саше, обобрав себя кругом, все промотано или заложено, а бедный мой ребенок, беременная, осталась без всего. Суди, каково совести моей, когда слышу родителей ее, проклинающих меня за пагубу дочери их!

Оставить ее идти по миру или лишаться естественных нужд я не в силах. Дать ей что-нибудь не имею ничего, уже и сама живу милостынею Теодора [Ф. И. Прянишникова, мужа В. А. Прянишниковой, воспитанницы Хвостовой]. Одно только остается средство, и на то помощь твоя нужна мне, друг мой. Соберем все мои марашки, переправя ошибки грамматические, и отдадим их напечатать, а потом вырученные деньги положим в капитал Саше, чтоб муж ее не знал, а проценты будем посылать ей по третям. Пусть трудовая копилка моя кормит и после смерти моей дитя и загладит перед Господом ошибку моей человечности!

Если ты вникнешь христианским сердцем, друг мой, в тоску мою сердечную, если захочешь разобрать, каково мне опасаться в недоумении, не прогневала ли я Господа самодельщиною в устроении Сашином, ты вникнешь душою в последний мой способ спасти ее. Гельм[ан] ничего не имеет. Отец от него отрекся. Мать любит Сашу, но устала исправлять неисправляющегося. Служба недостаточна на содержание, тем менее на мотовство и шалости, следственно, бедная Саша подлинно погибнет, если не поспешим ей на помощь.

Подумай, отвечай; а тогда я дошлю тебе еще кое-что, и с Богом. Прощай, друг и сын мой. И тебя, и Кат[ерину] Ст[епановну Бартеневу; жену Ю. Н. Бартенева] обнимаю. Любите мою Сашу и любящую Вас

А. Х.

ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 7. Л. 68—69.

Год написания письма устанавливается косвенным путем по связи с письмами о судьбе А. Гельман, датированными началом 1840 г. Следует отметить, что, несмотря на скорый приезд молодых в Киев, раскаяние Н. И. Гельмана и новые хлопоты Хвостовой о его устройстве, браку этому была суждена печальная судьба. С 1843 г. А. Гельман неотлучно живет при Хвостовой со своими четырьмя детьми, с 1846 г. окончательно теряет следы мужа (см. ее письмо Ю. Н. Бартеневу 1848 г.: «Я в большом затруднении насчет моего мужа. Года два тому назад он покинул службу в Витебске и переехал в Петербург, там не знаю, что он делал, по крайней мере мне ничего не писал об службе своей, в апрель нынешнего году, после годового молчания, он написал письмо, но с таким адресом, какого никто, я думаю, не слыхивал. Вот для куриозы: Я живу в Большой Садовой у старушки генеральши. Прошу теперь искать, всех старушек не перебрать же в Петербурге? С тех пор ни гугу, я начинаю думать, не умер ли он во время тамошней холеры» (ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 7. Л. 36 об.—37).

7. Описание смерти А. П. Хвостовой

Моя незабвенная благодетельница с каждым годом становилась слабее и слабее. Прошлаго году она была больна ужасно, но час еще не настал и три воспаления не могли свести в могилу мою голубушку. Нынешний год с Генваря она почувствовала себя очень слабою, кашляла, но однако не поддавалась болезни и не ложилась в постель; но, как и прежде, каждый вечер играла в карты. Так прожили мы до начала поста. Как-то на второй неделе она меня позвала к себе и сказала: изволь-ка взять свои предосторожности, я скоро умру. Я хотела это обратить в шутку, говоря ей, что если она видела какой-нибудь сон, то не надо обращать вниманье, тем более что это раз уже было с нею, в самый новый год лет пять тому назад. Она отвечала мне, что то был сон, а теперь не сон, но откровение, что тогда она видела мужа своего, а теперь Ангела Хранителя, что, бывало, она говорила, что, может быть, умрет, а теперь она утверждает, что умрет и даже очень скоро. — Какого рода было откровение, я никак не могла у нее выпытать, она на все мои вопросы одно отвечала: ты не довольно чиста душой, чтобы меня понять. Так прошел Великий Пост. Перемены в ней не было никакой, или лучше сказать одна: она очень оглохла, но глухота не есть опасный недуг. Ни она, ни доктор на это не обращали вниманья. Пришла страстная неделя. Она отговела, по обыкновению, на дому. Духовник ея имел привычку по причастии ей желать причаститься в следующем посту, но в этот раз он ей ничего не сказал. Мне это было очень неприятно, я, как большая часть русских, суеверна. Но боясь расстроить маминьку, я промолчала. После причастия она легла в постель и целый день не вставала. Вечером

пришел опять священник читать страсти. Но зная, что маминька оглохли, он поставил налой подле самой кровати и читал Евангелие над ея ухом. По окончании службы маменька подозвала священника и сказала ему: Ах, как мой хранитель благодарил Вашего! Хорошо в последний раз слышать Святые страсти Искупителя!

В пятницу она встала и всю светлую неделю была в довольно порядочном состоянии, слаба и глуха, правда, но довольно весела. Скверная погода неприятно действовала на нее. Но, впрочем, особенного ничего не было заметно. — Я сделаю маленькое отступление. — Нужно Вам сказать, что с тех пор, как я ее помню, она постоянно твердила о скорой своей кончине и всегда просила в случае болезни напоминать ей как можно чаще о последнем христианском долге. Однажды, еще в 1833 г., она сильно заболела. Я, желая ей показать, что помню всегдашнее ее приказание, без всяких церемоний ей предложила священника. Она засмеялась. Я, говорит, умру после святой, а теперь осень. Это возбудило мое детское любопытство. Я начала ее расспрашивать. Она мне рассказала следующее: «Лет двадцать тому назад я была очень больна, еще в Петербурге. Меня соборовали, после чего я уснула, и вижу себя в большой, чистой но без всяких мебелей комнате. Посередине стены дверь, на пороге которой я стою, по обеим бокам два прекрасно нарисованных образа Воскресения и Вознесения Христова. Я спросила у невидимого провожатого, отчего эти образа возле дверей, а не в переднем углу комнаты? Мне отвечали: Эта дверь — смерть твоя, а иконы потому тут стоят, что ты умрешь между этих двух праздников».

Это странное видение, которое Маминька мне рассказала, очень подействовало на мое воображение. Я была уверена, что оно должно сбыться, и не ошиблась! — Но обратимся к маминьке. В пятницу 4 апреля она играла в карты часов до 11 вечера, поужинала. В субботу утром доктор прописал ей микстуру. Она с нами пообедала, чаю напилась; в часу седьмом мне сказала, что по случаю очень дурной погоды, вероятно, никто не будет, что она очень плохо спала после обеда, а потому хочет лечь уснуть, но если кто придет, так чтобы я устроила партию. Меня как в сердце кольнуло, ее давнишний сон сей час пришел на ум. Натурально партия не состоялась. Мамаша уснули, ночь порядочно провели. Рано утром я послала за доктором. К вечеру ей стало хуже. Я опять за ним послала. Пиявки, которые ей в течение дня поставили, не сделали никакой пользы, она, впрочем, не страдала, слабость ее усиливалась видимо. На вопрос мой: чем она больна, доктор отвечал: девяносто лет и начало воспаления. После пиявок легкая боль в боку перестала. Часов до двух она была покойна, разговаривала со мною, велела Вам писать и просить Вашей молитвы о душе ея. Велела послать к Вере Александровлне Прянишниковой и благодарить за апельсины, которые та прислала с почтмейстером. Но с двух часов ночи она начала метаться, вставать с постели, причитая «вон(ь?)» и веря, что она в чужом доме, не

у себя, протягивая руки к кому-то невидимому с улыбкой радости на устах. В те минуты, когда приходила в себя, она сейчас начинала требовать священника. Так мы дождались дня. В 5 часов утра я велела открыть ставни и послала за духовником. Увидя дневной свет, она успокоилась. Хотя ничем не жаловалась, но видно было страдание на лице ея. Видна была борьба жизни с смертью. Цвет лица был местами желт, местами черный, в простонародьи говорят: землей присыпало. В 8 часов она исповедалась, приобщилась с таким чувством, как дай Бог всякому так приобщаться! Сей час по принятии Св. Тайн она так переменилась видом в лице, как будто маску сняла, и, не преувеличивая, скажу — двадцатью годами помолодела; куда делось страдальческое выражение лица, желтизна, темные пятна, синева под глазами? Все мгновенно исчезло, заменилось выражением радости, покоя, глухота пропала. До 9 часов сидел духовник у нас, она все время с ним шутила. Священник ушел почти уверенный в ее выздоровлении. Пришел наш хозяин с женой, она с ними говорила минут пять, приняла лекарство, спросила супу, скушала две чайные ложечки и начала кончаться. Тихо, без страданий, она не умерла, но, прожив срок, положенный Творцом, она преселилась в Вечность без усилий, это был сон под крылом Ангела Хранителя. После кончины лицо ее не изменилось. Трое суток тело стояло в теплой комнате, она казалась спящей. Многие с трудом верили доктору в ее кончину. Так не стало старицы, Богом хранимой, перенесшей столько горя и болезней в девяностолетней жизни своей! Дай Бог всем и каждому из нас такой благословенный конец, а более всего ее терпение!

ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 3. Л. 7—9.

Извлечено из письма А. Гельман к Ю. Н. Бартеневу от 28 июня 1852 г. Для оценки этого описания следует учесть, что 7 апреля, указанный А. Гельман как день смерти А. П. Хвостовой, — следующий день после Пасхи 1852 г., что вполне соответствует агиографическому характеру этого описания, но может поставить вопрос о достоверности свидетельства.